




*Нермин  
Безмен*

*Шура*

 ЛИМБУС ПРЕСС

ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ

Нермин Безмен  
**Шура. Париж 1924 – 1926**

«Издательство К.Тублина»

2016

УДК 821.512.161  
ББК 84(5Туц)

**Безмен Н.**

Шура. Париж 1924 – 1926 / Н. Безмен — «Издательство  
К.Тублина», 2016

ISBN 978-5-8370-0929-7

В третьем романе из исторического цикла о Курте Сеите и Шуре Верженской турецкая писательница погружает читателя в жизнь декадентского и эмигрантского Парижа двадцатых годов прошлого века. Героиня поступает на службу в модный дом Феликса Юсупова и великой княжны Ирины Романовой. Красавица модель окунается в светскую жизнь со всем ее блеском и нищетой. Среди ее друзей русские, французские, американские знаменитости – от живущей в роскоши прославленной Гертруды Стайн до ночующего под мостом и пока неизвестного Гайто Газданова. Удастся ли героине вытащить из большевистской России мать и сестру, забудет ли она Курта Сеита и обретет ли наконец истинную любовь?

УДК 821.512.161

ББК 84(5Туц)

ISBN 978-5-8370-0929-7

© Безмен Н., 2016

© Издательство К.Тублина, 2016

## Содержание

Благодарности	6
Предисловие	9
Персонажи романа	10
Глава первая. Прощай, Сеит!	12
Глава вторая. Лабиринты памяти	20
Глава третья. Одинокая любовь	24
Глава четвертая. Валентина	28
Глава пятая. Екатерина Николаевна	36
Глава шестая. Курт Сеит	42
Глава седьмая. Гость из прошлого	47
Конец ознакомительного фрагмента.	55

# Нермин Безмен

## Шура. Париж 1924–1926

*Этот роман я посвящаю всем, кто тоскует по Родине и всем, кто  
погиб за нее*

[www.limbuspress.ru](http://www.limbuspress.ru)

© Nermin Bezmen © Kalem Literary Agency

© ООО «Издательство К. Тублина», 2022

© А. Веселов, оформление, 2022

## Благодарности

Сердечно благодарю всех сотрудников издательства *Doğan Kitap*, работающих под руководством дорогой Гюльгюн Чаркоглу, которая с самых первых дней нашего знакомства искренне интересовалась мной и моим творчеством. Благодарю директора издательской группы *Doğan* Джема Эрджийеса; благодарю Хандан Акдемир, Айшегюль Кирпиксиз, Тубу Севен, Тубу Ай, Хюлью Акташ, Лерну Адсыз Чалган и Эрбиль Каргы за их доблестный труд и за то, что благодаря им я чувствовала себя в издательстве как дома; благодарю Асаф Танери – за то, что была дополнительной парой глаз во время работы над книгой.

Благодарю Неджлу Фероглу за то, что годы спустя мы вновь работали вместе, и за ее внимательную и аккуратную редакторскую работу, а в особенности за тщательный подход ко всем точкам и запятым.

Благодарю всех тех, чьи жизненные истории, рассказанные или написанные, обогатили мой слог, мою душу, мои мечты и помогли мне продолжить работу над циклом романов о Курте Сеите; благодарю ученых и писателей, живущих ныне и уже ушедших, в особенности Александра Васильева, Владимира Александрова, Светлану Утургаури и Ларису Васильеву; благодарю тех, кого встретила или не встретила случайно, но кто писал обо мне в своих блогах.

Дорогая бабушка, милая Мурка, благодарю тебя за то, что поделилась со мной своими горькими воспоминаниями, которые ты трепетно берегла все эти годы.

Благодарю свою дорогую подругу, композитора Анжелику Акбар, и ее мать, Галину Розенбаум-Тимченко, за то, что всегда находили время отвечать на мои вопросы. Благодарю своих читательниц, Динару Ямалееву и Галину Синякову, за то, что передали мне последние фотографии дома отца Шуры, тем самым обогатив мой фотоальбом.

Любимая Тиночка, я благодарна тебе за то, что твоя племянница так тепло приняла меня и на протяжении семи месяцев помогала мне собирать воедино объемную историю вашей семьи.

Моя дорогая семья, с которой мы связаны цепями любви и солидарности даже несмотря на то, что каждый из нас терзаем собственными духовными и физическими демонами, моя дорогая дочь Памира, милый сын Джазим и любимая невестка Ариэлла, – будьте светом моей благодарности и любви.

Я бесконечно благодарна своему мужу Толге за то, что он держал меня за руку во всех моих путешествиях и никогда не отпускал ее.

И конечно же, я благодарна своим читателям. Пока есть вы – есть я. Спасибо вам за то, что веряете свои сердца мне и моим героям.

Дорогие читатели, я знаю, что много лет прошло с тех пор, как Шура покинула Стамбул весной 1924 года. Провожая ее с причала в Каракёе, Курт Сеит плакал, и я плакала вместе с ним. Плакали и вы, когда я рассказывала вам эту историю. Затем вы часто спрашивали меня: «Что с ней стало? Как она жила? Любила ли снова? Переписывались ли они с Сеитом? Сумела ли она его забыть? Возвращалась ли в Стамбул? Приезжал ли к ней Сеит?»

Несмотря на то, что я старательно работала с письмами, открытками, газетами и архивами, написанными на русском, английском и французском языках, и переводила их, я долго не могла написать о Шуре. Жизнь уводила меня в другом направлении, душа корпела над другими романами, а язык не поворачивался заговорить о ней. Мне казалось, что чего-то не хватает... И вот этот момент настал. Теперь я вновь готова поделиться с вами историей Шуры, ради которой я не спала ночами и которая заставляет мою душу то устремляться к небесам, то разбиваться о землю, пробуждая и веселье, и горечь, и страсть, и трепет.

Сейчас, когда прошло уже почти двадцать пять лет с выхода «Курта Сеита и Шуры» (1992 год, «Шура» издана в 2016-м. – *Прим. пер.*), я чувствую, как праздную знаменательную дату выходом этого романа и встречей Шуры с вами.

Когда я отправлялась в этот путь, история Шуры была ограничена письмами, открытками и историями, которыми в семь последних месяцев своей жизни со мной поделилась ее сестра, баронесса Валентина фон Юргенсбург, известная также как Валентина Таскина или наша любимая Тиночка. Однако в это же время я сумела заполучить мемуары людей, рассказывавших о жизни белых эмигрантов в Париже, и кусочки пазла начали собираться. Но я прошу вас помнить о том, что эта книга не мемуар и не историческое расследование. Эта книга – приключение, в которое я отправляюсь в надежде передать жизненный путь моих персонажей. В этом плане она не отличается от других моих романов.

Я, к сожалению, не в силах узнать и передать все мысли, всю печаль и все грани внутренней борьбы этой восхитительной женщины, которая очаровала нас всех с первых страниц «Курта Сеита и Шуры». Тем не менее с тех самых пор, как я начала работу над этим романом в 1990-м, Шура настолько крепко засела в моем сердце и я настолько близко узнала ее, что слова вылетали из-под моего пера так, будто она сама нашептывала мне их. Важно также и то, что я пыталась передать все ее чувства и переживания с максимальной откровенностью и точностью.

После расставания с Сеитом Шура продолжит свою жизнь с той же самоотверженностью, с которой она хотела бежать с ним из России после революции. Когда я впервые услышала об этом от ее сестры Валентины, то ничуть не удивилась. Шура всегда была очень сильной женщиной, и я видела это, следуя за ней по ее жизненному пути. Мягкая, спокойная и чувствительная Шура способна также быть решительной, стойкой и несокрушимой, и, читая эту книгу, вы увидите, что она проявляет эти качества не по велению обстоятельств и не из-за порывов молодости – они всегда были в ней и ждали своего часа. Я видела, как она делает сложный выбор для того, чтобы обрести веру в себя, а не для того, чтобы облегчить свою жизнь. С каждым днем я восхищалась ею все сильнее. Меня не удивило то, что после расставания с Сеитом она отвергала любые отношения, стойко принимая холод одиночества. Это Шура, иначе она не могла.

От баронессы Валентины я также узнала о том, что Шура какое-то время была моделью в модном доме Феликса Юсупова в Париже. Однако, изучая труд Александра Васильева «Красота в изгнании» (*Beauty in Exile*), посвященный судьбам русской интеллигенции, бежавшей за границу, имени Александры Верженской, Шуры, я там не встретила. Тем не менее я все же включила в роман рассказ Валентины, отдав таким образом дань ее воспоминаниям. К тому же Шура вполне могла работать в каком-то другом модельном доме, или же ее имя попросту затерялось в истории.

С другой стороны, я изменила одно событие, а именно – открытие моим дедом и чернокожим белогвардейцем Томасом клуба осенью 1929 года в Тарабье, в отеле «Токатлиан», записанное со слов моей бабушки. Теперь я опиралась на труд моего дорогого друга, профессора Владимира Александрова, – книгу «Черный русский. История одной судьбы», повествующей о жизни афроамериканца Фредерика Брюса Томаса.

Париж тогда был Меккой для художников, искусствоведов и меценатов. Шура дружила с Алисой ДеЛамар и Люсией Давидовой. Эти две выдающиеся женщины, одна – американка, другая – русская, в те годы были одними из ключевых фигур французской интеллигенции. Я знаю, что Шура тесно общалась с их кругом, в который входили такие известные личности, как Эрнест Хемингуэй, Иван Бунин, Пикассо, Матисс, Джордж Баланчин, Игорь Стравинский, Павел Челищев, Тамара Жева, Гертруда Стайн, Нина Берберова, князь Феликс Юсупов и его жена, княгиня Ирина Александровна. Однако из-за того, что моя главная героиня, Шура, не оставила после себя каких-либо мемуаров, встречи и диалоги с перечисленными личностями мне пришлось записывать со слов баронессы Валентины, ее семьи и друзей.

Эта книга – роман с исторической подоплекой, но не документальный в своей сути; он рассказывает достоверную историю людских жизней, но остается художественным. Поэтому я надеюсь, что вам понравится эта моя новая работа, совмещающая в себе живые красочные факты и силу воображения.

До встречи на страницах книги, дорогие читатели! Желаю вам приятного прочтения и крепко вас люблю!

## Предисловие

Сейчас, когда я завершаю свой роман, мои мысли продолжают сливаться с жизненным опытом, и я думаю о книгах, прочитанных мной за долгие годы, о газетных статьях, которые я переводила, о мемуарах, открытках и письмах, о жизнях, в которых я плутала, как в лабиринте... Все, что связано с этим романом, словно выжидало момента. Словно я ждала все эти годы, чтобы написать эту историю именно сейчас. Словно история сама ждала меня.

Разумеется, без дела я не сидела. Писались новые, совершенно разные книги. Когда одна из них завершалась, я вновь оборачивала свой взгляд к Шуре, но она просила подождать еще немного. Тогда я не понимала почему. Но теперь знаю.

Время течет, жизнь становится более хаотичной, характер человечества не меняется в лучшую сторону, не учится состраданию, не извлекает уроков из потерь; все кругом стремятся уничтожить мир, природу, животных, эксплуатировать и причинять боль, угнетать беззащитных – все это ведет к радикальным переменам. История повторяет саму себя, слепо игнорируя шрамы, как будто ничего подобного не было прежде. А одно из следствий таких событий – вынужденная эмиграция.

Вынужденная эмиграция – это всепоглощающая тоска от начала до конца. Она очень отличается от эмиграции обычной, когда люди пересекают границы с искренним желанием увидеть другое солнце и испробовать другое небо. Когда невольно покидаешь Родину, то покидаешь свою землю, своих близких, свое прошлое. И ждет ли их впереди богатство или бедность, им не уйти от тоски.

Именно это и явилось самой большой причиной моего интереса к романам об эмиграции. Судьбы подобных «беглецов» оставили на мне неизгладимый след и заставили делиться их историями и переживаниями в своих романах.

Мне очень повезло, что моим предкам удалось преодолеть тяжести эмиграции и изгнания, бороться с невзгодами гордо, не потеряв идентичность, душу, и выстроить жизнь с нуля. Они оставили мне в наследство крепкие гены, невероятно богатое прошлое и ворох горьких воспоминаний.

Должно быть, из-за того, что я ношу их печаль, тоску, потери и надежды глубоко в себе, я тонко чувствую других эмигрантов. Неважно, откуда они, кем были их предки, откуда и куда они пришли и как живут ныне.

Наша жизнь – это совокупность отрезков времени, и любому из нас отведено разное их количество. И каждый из этих отрезков несет с собой счастье или горе, удовольствие или муку, любовь или одиночество.

Жизнь нашей Шуры, чья жизнь и борьба прошли в разных городах и странах с очень разными условиями, сложилась именно так. Она жила, стремясь поступить с каждым по справедливости, разделяя и счастье, и боль своих друзей и близких...

## Персонажи романа

Ален

Александра (Шура) Юлиановна Верженская

Алиса Бабетт Токлас

Алиса ДеЛамар

Андренина (Нина) Дмитриевна Лысенко

Ангелина Петровна Белова

Анна (Анечка) Петровна

Анна Клодт фон Юргенсбург

Анна Александровна Вырубова

Борис (Боря) Ходжаев

Коко Шанель

Каппа (Карп) Давидов

Катя Лысенко

Константин (Костя) Клодт фон Юргенсбург, барон

Курт Сеит Эминов

Леман

Люсия Давидова

Маревна (Марина Брониславовна Воробьева-Стебельская)

Максим Винавер

Монро Уэллер

Мюрвет (Мурка)

Николай (Николас, Коля) Дмитриевич Лысенко

Нина Николаевна Берберова

Нина Оболенская, княгиня

Нонна Калашникова

Ольга Баркасова-Черкесова

Поль Гийом

Павел Адольфович Клодт фон Юргенсбург

Павел Челищев (Павлик)

Пантелеймон (Паня) Дмитриевич Лысенко

Прасковья Гавриловна

Саломея Оболенская, княжна

Сергей (Сережа) Клодт фон Юргенсбург

Валентина (Тина) Юлиановна Верженская-Клодт фон Юргенсбург, баронесса Валентина

Таскина

Вера Муромцева

Владимир (Вова) Дмитриевич Лысенко

Феликс Феликсович Юсупов, князь, граф Сумароков-Эльстон

Ирина Александровна Романова, княгиня Юсупова

Григорий Ефимович Распутин

Екатерина Николаевна Верженская

Гертруда Стайн

Иван Бунин

Гайто Газданов

*Формы имен, встречающихся в романе*

Александра – Шура, Шурочка

Андренина – Нина, Ниночка  
Борис – Боря  
Татьяна – Таня  
Иван – Ваня  
Капа – Капа, Карп  
Катя – Катюша, Катенька  
Маргарита – Рита  
Матрена – Мария, Мара, Матрена, Марочка  
Николай – Коля  
Павел – Павлик  
Пантелеймон – Паня  
Сергей – Сережа  
Валентина – Тина, Тиночка, Тинуся  
Владимир – Володя, Вова

## Глава первая. Прощай, Сеит!

*Весна 1924 года, Стамбул*

Солнечный свет вновь залил спальню. Казалось, будто просыпались балдахин, латунная кровать, сползшее на пол одеяло, атласные шторы, комод и зеркало, стоявшее на нем, флакон духов, жемчужные ожерелья – все они вдруг приобретали цвет и форму. Будто это новый день вдыхал в них жизнь.

Всю ночь Шура не спала, и вот теперь, к утру, устав от беспокойных мыслей, роившихся в ее голове, она лежала на боку, прикрыв глаза. Она продолжала притворяться спящей, пока поцелуи покрывали ее волосы, плечи и мягко спускались к спине. Она боялась, что если повернется к нему прямо сейчас, то он заметит тревогу, что облачной завесой затмевала ее глаза. С момента их встречи прошло уже около семи месяцев, и все это время она стремилась показывать ему только лучшие черты своего характера, проявляя особую мягкость и заботу. Ей не хотелось делиться своей глубокой печалью, тоской, болью, которые скрывались за радостью и теплотой, направленными к нему. Все, что она пережила до него, уже начало казаться Шура далекой сказкой – вскоре одна часть воспоминаний останется в ее памяти лишь приятным сновидением, а другая – кошмарным сном. Ни одно из них она не желала переживать снова, оживляя в разговорах с другими людьми. Потому что ее прошлое было цельным, единым. Она не могла отделить плохие воспоминания от хороших, пожертвовать одним ради другого. Оставалось только запретить их все глубоко в памяти и никогда не выпускать наружу.

Шура хотела бы довериться владельцу этих рук, которые с любовью блуждали по ее волосам и телу, хотела бы правильно отвечать на его любовь. Однако неопределенность, которую ей довелось пережить, побуждала ее к осторожности. Она не могла ошибиться вновь. Не могла вновь слепо последовать за мужчиной. Не могла вновь пережить подобную боль.

Внезапно, вспомнив о том, что Алену вскоре нужно будет уйти, Шура открыла глаза. Ален крепко обнял ее.

– Доброе утро! – сонно пролепетала она по-французски.

Она коснулась ладонями его рук, обнимавших ее за талию. Он выглядел так, будто хотел что-то сказать.

– Шура... – задумчиво произнес Ален, поцеловав ее запястье.

– Да?

– Ты поедешь со мной во Францию?

– Во Францию? Зачем?

– Здесь ты очень одинока. Я не хочу тебя бросать.

Шура сомневалась в том, что он зовет ее во Францию только из-за того, что беспокоится о ее одиночестве. Стараясь не выдавать своих истинных эмоций, она осторожно возразила:

– Я не одинока. У меня есть Валентина и мои друзья.

– Шура... Валентина вышла замуж. А этот твой давний знакомый? Кажется, он тоже женат.

Ее тонкие изящные пальчики коснулись обручального кольца на его пальце. Она понимала, что сейчас выглядит как ребенок с полузажившей коленкой, рана которого снова начинает кровоточить. Ален говорил о Сеите.

– Разве во Франции я не буду одинока? Скажи, что изменится?

Она откинулась на подушку и прикрыла глаза, словно блуждая где-то в мечтах. Словно искала то, что было утрачено.

– Я обречена на одиночество, – медленно продолжила она. – Неважно, где я. Я давно смирилась с этим и готова смириться с судьбой. Не беспокойся обо мне.

– Но я не хочу оставлять тебя, Шура. Ты ведь знаешь, что я люблю тебя больше, чем это кольцо.

– Не делай этого, Ален. Хватит меня жалеть. Ты мне ничем не обязан. У тебя есть жена и дети, возвращайся к ним. Если снова окажешься в этих краях, то, возможно, мы еще увидимся. *Кысмет*<sup>1</sup>, как сказали бы турки.

– Ты все еще его любишь, ведь так?

– Люблю ли?.. Не знаю. Я уже давно позабыла о том, чем ограничивается любовь. Все, что я любила и люблю, несет в себе след Сеита: Кисловодск, заснеженные сосны, звон колоколов – во всем я вижу его. Это что-то за гранью любви. Это чувство необходимо мне как воздух, и ты, Ален, его не поймешь. Оно для меня как образ Родины, на которую я не могу вернуться. Даже если я больше никогда его не увижу, мне лишь достаточно знать, что он жив. Он – часть России, которую я обрела в Стамбуле.

Ален притянул Шуру к себе и внимательно посмотрел в ее глаза, наполненные слезами и печалью. Да, она говорила правду...

– Послушай, любимая, – сказал он, – я не прошу тебя уехать отсюда насовсем. Давай просто попробуем. Поезжай со мной, давай представим, что это просто путешествие. Поверь, я хорошо понимаю, что Сеит значит для тебя, но я хочу, чтобы ты дала мне шанс... Прошу тебя.

Он заметил, с каким упорством женщина сжимает его кольцо.

– Это ничего не значит. На протяжении последних шести лет мы с женой почти не виделись. Как только вернусь домой, я решу этот вопрос. Она уже давно настаивает на разводе. Я тянул, потому что не хотел сплетен.

– Что изменилось сейчас?

– Очень многое. В моей жизни появилась ты... И я хочу тебя удержать. И я готов на все. Ален попытался снять кольцо, но оно плотно сидело на пальце.

– Черт бы его побрал! – выругался он.

– Ален, прошу тебя, остановись! – возразила Шура, поцеловав его руку. – Кольцо ничего не меняет. Не меняет чувства, которые у нас есть. Давай забудем этот разговор и насладимся временем, которое у нас осталось.

Ален не знал, что еще сказать женщине, которую он любил и которой так стремился обладать. Он наклонился к ее преисполненному печалью лицу и поцеловал.

– У нас мало времени. Я вновь не насытился тобой, – сказал он, посмотрев ей в глаза.

Чуть позже, надев униформу, он уже стоял у двери с саквояжем.

– Любимая, – сказал он, обнимая Шуру, – я буду ждать тебя, помни об этом.

– И я люблю тебя, Ален. Но другой любовью.

– Понимаю. Я все равно буду ждать.

– Прощай, Ален.

Ален, безмолвно скользнув за дверь, начал спускаться по лестнице. Он несколько раз оборачивался и смотрел на Шуру, стоявшую в дверях. Пройдя один пролет, он ускорил шаг, как вдруг наткнулся на молодого мужчину, в спешке поднимавшегося по ступенькам.

Внезапно мужчины остановились и посмотрели друг на друга. Ален узнал Сеита. Наконец-то он увидел человека, из-за которого Шура не знала покоя. Взгляд его темно-синих с переливами глаз, самоуверенная поступь – все это было гораздо сильнее, гораздо реальнее в сравнении с рассказами Шуры.

Сеит же по звуку захлопнувшейся на верхнем этаже двери догадался, что этот светловолосый человек в форме спускается из квартиры Шуры. Кто он? Что ему было нужно? Сеит знал, что Валентина вышла замуж и Шура теперь живет одна, а то, что незнакомец выходит от нее на рассвете, да еще и с саквояжем в руках, могло означать только одно... Его словно

<sup>1</sup> *Kismet* – судьба, рок, то, что предначертано. Обычно употребляется в негативном контексте. (Здесь и далее прим. пер.)

озарило. Эта женщина, о которой он, мучаясь угрызениями совести, думал долгими ночами, завела отношения с другим мужчиной! Он почувствовал, как его нутро охватывает гневное пламя. Тем временем незнакомец уже ушел. Сеит мгновенно взбежал на нужный этаж. Дыхание будто бы застревало в горле, но не от усталости, а от обуревавших его чувств.

Шура стояла у окна и провожала взглядом удалявшегося Алена. Она любила его, и мысли о Париже согревали женщину. Она знала, что там никогда не будет чувствовать себя одинокой. К примеру, ее дальний родственник, белогвардеец Богаевский с семьей, уже перебрался во Францию. Однако она сомневалась, что сумеет оставить Сеита.

Дверной звонок отвлек ее от тяжелых мыслей. Должно быть, Алена что-то забыл и решил вернуться. Шура побежала в коридор, распахнула дверь и ошарашенно застыла. Сердце забилося так, будто хотело выпрыгнуть из груди. Перед ней стоял мужчина, ради которого она была готова на все.

– Сеит!

И тут она заметила недобрый блеск в его глазах – в их синеве разгоралось пламя. Шура мгновенно поняла, в чем дело. Сеит не дал ей вымолвить ни слова – вошел, резко захлопнув за собой дверь.

– К чему это представление?! – сказал он, крепко сжав ее плечи. – Кто он?!

– Постой, Сеит! Ты делаешь мне больно!

– Скажи, кто он? Как долго вы вместе? Нет, молчи. Я сам скажу. В те вечера, когда ты отказывалась встречаться со мной, ты была с ним, так? А я ведь тогда даже еще не женился! Помнишь? Отвечай! Пока я ждал тебя, ты была с этим мерзавцем, я прав? – Не в силах сдерживать себя, Сеит продолжал: – А что теперь? Как любимый уехал, ты снова решила прибежать ко мне? Или у тебя есть еще кто-то? Отвечай!

Слезы градом полились из ее глаз. Шура не верила своим ушам. Что за ужасные вещи говорит ей любимый? Она ведь посвятила ему всю свою жизнь, отдала себя без остатка! Это было несправедливо.

– Сеит, послушай... Прошу, послушай! – взмолилась она, пытаясь вырваться из его хватки.

Она почувствовала, как Сеит сжимает ладонями ее щеки. Она ощущала тепло его кожи, видела, как сверкают искры в его глазах и горит лицо. Шуру трясло. Она не могла больше стоять на ногах и в бессилии начала сползать на пол.

Сеит был в ужасе от содеянного. Он мгновенно склонился к Шуре и притянул ее к себе. Он вглядывался в ее лицо и бережно гладил по волосам, чтобы убедиться, что та в порядке. Он был полон раскаяния и смущения. Сеит почувствовал отвращение к себе. Его затошнило. У бедняжки кровоточила губа, лицо опухло, а на щеках отчетливо проступали белесые следы его пальцев. Она плакала тихо, обиженно. Растерянный Сеит обнял ее, и на глаза его навернулись слезы.

– Прости меня, моя Шура, ради всего святого, прости! Поверь, я не знаю, что на меня нашло! Я не сдержался. Я будто обезумел. Мне не следовало так поступать. Как я мог поднять на тебя руку? О Аллах, что со мной происходит!

Шура чувствовала, как медленно затягиваются душевные раны, нанесенные Сеитом.

– Не нужно извиняться, Сеит, – пытаясь сдержать дрожь в голосе, сказала она. – Ты все правильно понял. Я провела эту ночь с ним. И остальные ночи тоже.

Она медленно встала и пошла в ванную комнату. Сеит, последовав за ней, увидел незаправленную кровать и мятые полотенца. Всюду стоял запах чужого мужчины. Почему он пришел сюда именно сегодня? Именно в это время? Должно быть, судьба вновь решила сыграть с ним злую шутку, лишив любимой женщины. Теперь, когда все прояснилось, Сеиту следовало принять решение.

Прикладывая к щеке намоченное водой полотенце, Шура подошла к Сеиту и села на край кровати. Сеит понимал, что так она избегала его взгляда. Чувствуя, что он не может больше находиться в комнате, где до него был чужак, Сеит произнес:

– Давай поговорим в гостиной?

– Можешь устраиваться там, где тебе удобно, – ответила она, все так же прикладывая к лицу полотенце.

Выходя из комнаты, он заметил, что Шура не последовала за ним. Притянув к себе пуф, Сеит сел напротив нее.

– Шурочка... послушай... нам нужно поговорить.

Женщина медленно отняла от лица полотенце, однако по-прежнему не спешила смотреть на него. Она оглядывала углы комнаты, будто бы пыталась спрятаться от ужаса, который ей довелось пережить несколько минут назад.

– Разве мы уже не все друг другу сказали, Сеит? – едва слышно произнесла она.

– Шура, моя Шура... Если можешь, прости меня... Я знаю, это сложно, но я прошу тебя хотя бы попробовать. Я пришел сюда, потому что... – Он осекся, заметив поникшее лицо Шуры. – Впрочем, неважно. Когда я поднимался сюда, то столкнулся с тем мужчиной. Кто он? Как давно вы знакомы?

Шура ответила так, словно хотела еще сильнее разбередить свои душевные раны:

– Ален... Он капитан французского пассажирского судна. Мы знакомы шесть или семь месяцев.

– Он любит тебя?

– Ты уверен, что хочешь это знать? – с удивлением спросила Шура.

– Конечно, – мягким тоном ответил он. Сеит очень хотел, чтобы она ему доверилась. – Скажи, он правда тебя любит?

– Говорит, что да.

– А ты его?

Ее глаза вновь наполнились слезами.

– Сеит, я *тебя* люблю.

Сеит поднес ладони Шуры к своим губам. Он выглядел глубоко несчастным.

– Шура, моя дорогая Шура... я не принес тебе ничего хорошего. Ты уверена в его любви?

– Он позвал меня с собой во Францию.

Сеит поднялся и сел рядом с ней.

– Когда уходит его корабль?

– Сегодня после обеда.

– Что ж! – воскликнул он, резко срываясь с места и протянув к Шуре руку. – Давай собирайся, Шура! Ты тоже едешь.

Шура застыла.

– Еду? Куда? – неуверенно переспросила она.

– С ним, ты едешь с ним. С человеком, который тебя любит.

– Нет! – ошарашенно запротестовала она. – Ты не посмеешь со мной так поступить!

– Это ради твоего же блага, любимая.

– Нет! Если бы я хотела уехать, давно бы уехала! Я не хочу! Не хочу!

Понимая, насколько упрямое желание остаться в Стамбуле усложнит Шуре жизнь, Сеит в отчаянии ударил рукой по кровати.

– Ты хочешь прожить так всю жизнь? – Его голос снова стал высоким и грозным. – Хочешь жить, ожидая человека, который приходит, когда захочет? А что будет, когда он не придет? Когда он забудет о своем одиночестве в компании других женщин? Как долго ты протянешь? Десять лет, двадцать, а что будет потом?

Шура в слезах бросилась на постель. Она мяла подушку, отчаянно, будто бы в неверии, мотая головой. Сеит склонился к ней и, обняв за плечи, нежно поглаживал ее волосы. Много времени прошло с тех пор, как он видел ее в последний раз, и когда-то длинные густые локоны Шуры теперь стали гораздо короче. Он заботливо перебирал пряди, и мягкие волосы скользили меж пальцев. Точно так же, думал он, ускользает мое счастье.

– Шура, ты для меня значишь очень много, – сказал он, продолжая гладить ее по голове. – Но прошло немало времени, и все изменилось. Мы многое пережили вместе, и ты очень долго принадлежала только мне. Но что с нами стало? Почему мы так раним друг друга? Когда успели отдалиться? Поверь, я и сам не знаю ответа на эти вопросы. Я знаю лишь то, что желаю тебе счастья. Ты не должна больше разрушать свою жизнь. Тебе нужно завести семью, детей. Нам обоим нужно оставить прошлое позади и начать новую жизнь. Поверь, любимая, где бы ты ни была, ты все равно останешься моей половинкой. Навсегда, пока смерть не разлучит нас...

Шура больше не плакала. Она медленно повернулась. Горе исказило ее лицо. Она лежала на спине, с какой-то темной горечью мирясь с судьбой. Она окинула Сеита влюбленным, но беспомощным взглядом. Глаза ее блестели. Шура схватила его за руки и притянула к себе. Сеит обнял ее в ответ, и они, прижавшись друг к другу, тихо заплакали. Каждому из них хотелось навсегда запечатлеть в памяти тепло любимого человека. Как же быстро пролетели годы! Прежде они и подумать не могли о том, чтобы расстаться, а теперь прощались навеки.

– Прости меня, любимая, – шептал Сеит.

– И ты прости меня... – послышался иступленный голос Шуры. – Увидимся ли мы вновь?

– Почему бы и нет? Разве мы знали, что спустя семь лет встретимся в Москве? Возможно, судьба готовит нам новые сюрпризы. – Сеит хотел утешить ее, но на самом деле искал утешения для себя.

– Хотелось бы мне вновь оказаться в Москве, – вздохнула Шура.

Сеит подумал о предстоящем расставании. Сейчас он держал в руках любовь всей своей жизни, но уже скоро ему предстояло покинуть ее навсегда. Как вынести такое? В их глазах читалась невыразимая печаль. Они прильнули друг к другу в жадном поцелуе. Они хотели запомнить эти прикосновения на всю жизнь. Тогда они занимались любовью в последний раз.

Когда Сеит нехотя отпустил ее, Шура поднялась с кровати и направилась в ванную. Умывшись, она принялась неспешно собираться – напудрила лицо, нанесла на губы помаду. Сеит с тоской следил за ней, ведь каждое ее движение приближало их к расставанию. Шура доставала свои вещи из комода и шкафа и складывала их в чемодан. Она надела синий костюм и синие туфли. Мужчина поймал себя на мысли, что Шура относится ко всему относительно спокойно, будто бы в душе давно уже знала, что этот момент настанет. Но разве она однажды не проявила подобное хладнокровие? Там, в Новороссийске? Разве ее храбрость и самоотверженность не были одной из причин, по которой они испытали эти прекрасные отношения?

Сеит поднялся и подошел к ней.

– Тебе очень идет синий цвет, – сказал он, обнимая ее за плечи. – Ты снова выглядишь, как та девочка из зимы тысяча девятьсот шестнадцатого года.

Шура, попытавшись улыбнуться, коснулась ладонью лица Сеита.

– Сеит, помнишь ли ты, что сказал мне тем вечером у фонтана с купидонами?

– Да, любимая.

– Сможешь снова повторить те слова?

– Конечно.

– Тогда повтори. Я знаю, что это ничего не изменит, но мне хочется услышать их вновь.

Сеит, как и тогда, взял ее за руку и нежно поцеловал.

– Ты знаешь, я хотел бы быть, как они, застыть, обнимая и целуя тебя. Тогда мы могли бы вечно обнимать и целовать друг друга.

Слезы снова навернулись на ее глаза. Шура попыталась взять себя в руки. Она отстранилась от мужчины и уверенно взяла чемодан и перчатки. Окинув квартиру взглядом в последний раз, она подошла к двери. Шура понимала, что переродилась, стала совсем другим человеком, а не той женщиной, которая все утро плакала, роняя слезы над ушедшей любовью. Она шла к новой жизни тяжелым, но решительным шагом.

Такси остановилось перед домом Валентины, и Шура выскользнула из машины, чтобы попрощаться с сестрой. Через десять минут она вернулась.

Когда она подъехала к причалу, до отплытия корабля оставалось меньше часа.

Сеит отдал вещи Шуры носильщикам и, взяв ее за руку, быстро провел через отдел проверки билетов. Когда дежурный окликнул их, Сеит сказал, что с ним не пассажир, а жена капитана. Отрядив сопровождающего, дежурный пропустил их на судно.

Когда в дверь капитанской каюты постучали, Алэн как раз работал над картами.

– Входите! – сказал он, не отрываясь от дела.

Юноша-сопровождающий, заглянув в каюту, поприветствовал капитана и сказал:

– Мсье, прибыла ваша жена.

– Моя жена?

Алэн решил, что, должно быть, случилась какая-то ошибка, повернулся к двери и переспросил:

– Моя жена?

Он с удивлением увидел мужчину, с которым утром столкнулся на лестнице. Сеит держал Шуру за руку, чуть подталкивая ее вперед.

– Да, ваша жена, – на уверенном французском начал Сеит. – Только при этом условии я отпущу ее с вами, вы должны пообещать мне, что женитесь на ней.

Алэн посмотрел на Шуру взглядом, полным любви. Вот, значит, как получилось – то, что не сумел сделать он, сделал Сеит, он привел к нему Шуру. Это немного смутило его, однако важнее было то, что Шура отныне рядом. Он с благодарностью протянул Сеиту руку.

– Обещаю, мсье Эминов.

Сеита поразило, что незнакомец знает его фамилию, и он, вопросительно нахмутив брови, повернулся к Шуре. Но она стояла к мужчинам спиной, устремив взгляд в окно.

– Надеюсь, вы сдержите свое слово, – продолжил Сеит. – Потому что все, чего я хочу, – чтобы Шура была счастлива и больше никогда не страдала. Она особенная женщина.

Алэн чувствовал, что любовь этих двух людей гораздо глубже, нежели обычная плотская привязанность, возникающая между мужчиной и женщиной.

– Я очень люблю ее, мсье, – признался Алэн. – Но, поверьте, я и понятия не имею, разделяет ли она мое счастье.

– Что вы имеете в виду?

– Я не знаю, как вы убедили ее прийти сюда. Несмотря на все мои мольбы, она была против.

– В итоге она предпочла остаться с вами, – улыбнувшись, сказал Сеит.

В горле у Сеита запершило. Как же несправедливо он поступил с ней! Мог ли он повернуть все вспять? Он нежно посмотрел на женщину, которую так долго любил, как будто бы отпуская ее. Она же, в свою очередь, продолжала равнодушно наблюдать за портом, хотя взгляд ее, казалось, устремился намного дальше.

Не отрывая глаз от Шуры, Сеит крепко сжал руку капитана.

– Поэтому вы обязаны сделать ее счастливой.

Затем, подойдя к окну, Сеит приобнял Шуру и сказал:

– Прощай, Шурочка.

– Прощай, Сеит, – отозвалась она, так и не повернувшись к нему.

Он больше не мог смотреть на ее блеклый образ, отражавшийся в стекле. Ему хотелось остаться в одиночестве и плакать. Плакать, пока земля не разверзнется и не заберет его в могилу.

Когда, покидая причал, Сеит оглянулся и поискал взглядом знакомое лицо, у окна уже никого не было. Пустота поглотила его, сердце было раздавлено и разбито, но, с другой стороны, в душе воцарилось удивительное спокойствие. Интересно, оторван ли он теперь от прошлого? Ведь там оставалась половина его жизни, его большая любовь. Слезы, навернувшиеся на глаза, словно текли из самого сердца.

Сеит ушел, и Ален, подойдя к Шуре, ласково обнял ее.

– Все будет хорошо, дорогая, – прошептал он. – Я сделаю тебя очень счастливой.

Вызвав носильщика, он попросил перенести вещи Шуры в каюту.

– Давай, дорогая, ты очень устала, – поцеловав женщину в щеку, сказал он. – Отдохни в каюте, а как корабль отчалит, я присоединюсь к тебе.

Шура попыталась незаметно смахнуть с щек слезы и улыбнуться.

Громкий свисток раздался в тот момент, когда она вошла в свою каюту. Должно быть, они собирались отчаливать. Она больше не плакала, скорее застыла, смирившись со своей участью. Она посмотрела в иллюминатор – корабль медленно отплывал от берега. Положив чемодан на кровать, Шура открыла его. Внезапно она почувствовала, что ей не хватает воздуха. Женщина вышла в коридор и нашла дорогу к верхней палубе. Большинство пассажиров уже было там. Несмотря на то, что день был теплым, Шуру пробирал озноб. Уединившись в углу, она посмотрела на пролив. Пароход сминал под собой сине-зеленую воду, и та бурлила, извергая белую пену. На мгновение Шуре показалось, будто она погружается в воду и медленно идет ко дну. Эта мысль напугала ее. Глупости! Разве оставила бы она любящих ее мужчин, желая избавиться от собственной печали? Интересно, если бы она умерла, узнал бы об этом Сеит? Но что бы это изменило?

Пароход шел мимо Сиркеджи и Сарайбурну, а она вспоминала, как впервые прибыла в Стамбул, и перед ее глазами, как кадры кинофильма, пролетали дни, полные боли и страданий. Несмотря на все, что ей довелось пережить, Шуре никогда еще не было так горько, как сегодня.

Внезапно ей показалось, будто она увидела Сеита. Он стоял на берегу и махал ей рукой. А потом все затянуло снегом. Над соснами кружились белые хлопья. Человек, которого она любила, вскочил на лошадь и галопом поскакал к ней. Она увидела себя стоящей на заснеженном холме. Она протянула к нему руки и ждала. Сеит подъехал к ней, крепко обнял ее, поднял и усадил рядом. Шура крепко обняла любимого. Они мчались вперед, будто в полете, и снег заполнил все вокруг. Зазвучали колокола кисловодской церкви. Где-то вдалеке Валентина играла Чайковского. Воспоминания возвращались к ней, воспоминания о том, по чему она так скучала, но звук внезапно прервался. Сеит спустил ее с лошади на холодный снег и растворился за соснами.

Шура встрепенулась. Даже в своих мечтах она была обречена на одиночество. Перед глазами по-прежнему мелькали силуэты дворца Топкапы и мечетей, возвышавшихся за ним. Она вспоминала московские соборы и заснеженные улицы... Шура посмотрела на Босфор. Как же близки Стамбул и Россия! Даже эти воды связывают их... Но теперь... теперь она отдалялась от них, уходила далеко-далеко, словно впервые покидая свою Родину и своих близких. Она дрожала. Одиночество охладило ее душу. Она прижала руки к груди и жалобно заплакала:

– Прощай, Россия... Прощай, Сеит... Прощай, моя любовь!

Слова сорвались с ее губ и исчезли в бескрайней голубизне вод.

\* \* \*

Когда Сеит шел вверх по улице Банкалар, он внезапно почувствовал, как сердце будто бы налилось свинцом. Его душа, его воспоминания теперь были на корабле, отправлявшемся в Париж. Его маленькая Шура покидала его. Они больше не увидятся. Тоска охватила его. Он вновь чувствовал себя двенадцатилетним мальчиком, которого отправили на учебу в военную академию в Петербурге, – он одинок, совсем одинок, и никто не поддержит его. Несмотря на то что Сеит давно вырос, приступ одиночества душил его, как тогда, в детстве. Где-то вдали раздался свисток уходящего парохода.

– Прощай, дорогая, – пробормотал он. – Прощай, мой маленький ангел.

## Глава вторая. Лабиринты памяти

*Декабрь 1924 года, Париж*

В Париже шел первый снег. Он тяжело падал на землю, устилая собой округу. Сбитые с толку непогодой птицы хаотично летали над городом, в поисках убежища опускаясь то на крыши, то на ветви деревьев. Но вскоре снежная буря утихла. Птицы вернулись к привычному образу жизни, заполонив небо своими суетливыми голосами. Их было настолько много, что земля и небо на мгновение слились в одно темное пятно.

Снег белым полотном укрывал пешеходные улочки и мостовые, сдаваясь лишь перед натиском Сены, чей черный силуэт разделял город на две части. Еще не было пяти, но Париж уже медленно погружался в сумерки. Этажи старых величественных домов, стоявших по обе стороны реки, постепенно вырывались из темноты, оживая и мерцая. Расплывчатые огни кованых железных ламп и светильников пробивались через окна и смешивались с отблесками снега, делая картину поистине сказочной.

И у одного из этих окон, излучавших таинственный свет, стояла молодая женщина. Прислонившись лбом ко стеклу, она смотрела на улицу. Впрочем, взгляд ее простирался далеко за пределы Сены и Парижа. От ее теплого дыхания стекло запотевало, и она упорно протирала его ладонью. Ее взгляд устремился к нависшим над городом облакам. Интересно, нависали эти же облака над Кисловодском? Падал ли этот же снег над отчим домом? Опускались ли эти же снежинки на старую Нарзанскую дорогу, на замерзшую Неву? Если так, то, должно быть, в этих облаках витали поцелуи ее любимой матушки. Матушки, вестей от которой она не получала уже столько лет. Интересно, живет ли она по сей день в Кисловодске? Или, быть может, они с Ниной переехали? Как же она по ним скучает... Почувствовав, как увлажнился ее нос, она перенеслась мыслями в Стамбул. Ах, если эти облака бывали и там, то они наверняка несли в себе слезы дорогой Тиночки. И возможно, они несли в себе и частичку Сеита – ее большой любви, болью обжигавшей сердце. Если они встречали его там, вдали, могли ли облака донести до нее шепот его любви? Увы! Единственное, что несло в себе тяжелое свинцовое небо, – горе по давно утраченному прошлому.

Внезапно она открыла окно и выглянула наружу, словно задыхаясь от охватившей ее тоски. Женщина глубоко вздохнула, прикрыв глаза. Ее лица коснулось холодное дыхание зимы, однако оно не сумело погасить полыхавший в душе пожар. Снежинки, таявшие на коже, не несли в себе привычных запахов. Они не пели ей знакомых песен, не шептали столь нужных слов и не говорили на языке, по которому она так скучала. И только она подняла руку, чтобы смахнуть со щек слезы, как ее настигло новое осознание – она уже переживала этот момент раньше, и тоска обожгла ее еще сильнее. Разве когда-то давно она уже не прислонялась к холодному окну и не смотрела на снег, скучая по земле, на которой родилась? Теперь она видела, как образы Кисловодска и России проносятся перед глазами той женщины из прошлого, женщины из других времен...

\* \* \*

Хлопья снега медленно кружились над ними, пока они проезжали по Галатскому мосту, держа путь в Пэру. Она положила голову на плечо своего синеглазого возлюбленного, думая о том, что здесь, под снегами чужой страны, она движется чужой дорогой навстречу чужой судьбе. Стамбул не был похож ни на Москву с ее Красной площадью, ни на Кисловодск и его

Нарзанную галерею. Но неопределенность этой чужбины не пугала ее. Пока Он рядом, она не боялась ничего.

В номере отеля было холодно. Печь, стоявшая в углу, нагревалась не сразу. Шура отодвинула шторы и прислонилась лбом к стеклу. Теплым дыханием она отогрела небольшой пяточок замерзшего окна и выглянула на улицу: перед ней раскинулся город – высокие здания, особенности, узкие мощеные улочки, маленькие дорожки... Как же все это было для нее чуждо!

Давящее воспоминание о прошлом сковало ее ледяным холодом. Она попыталась отпрянуть от окна, но не смогла. Вся ее душа, все тело были вновь окутаны холодом кисловодских зим – они не пугали ее, а, наоборот, напоминали о счастливом и безопасном детстве. Воспоминания плодили хаос в ее разуме, и ей не оставалось ничего иного, кроме как поддаться ему.

\* \* \*

Теперь, в Париже, холод тех дней проснулся в ее душе. Что-то подсказывало ей, что настало время оставить воспоминания и вернуться к настоящему. Но она не могла оторваться от окна. Пальцы скользнули по покрытому ледяной корочкой стеклу, и ей казалось, что лоб вскоре расколется пополам от холода. По щекам катились слезы. Впрочем, Шура полагала, что эти слезы текут из прошлого. Она ведь поклялась больше не плакать. Жизнь научила ее тому, что слезами предначертанное не изменить.

Глядя на два кованых кресла, стоящих на балконе, она на мгновение снова перенеслась в Кисловодск, однако видение не задержалось в ее сознании надолго. Все снова изменилось. Она вернулась в стамбульскую зиму 1919 года, все глубже погружаясь в пучину воспоминаний, мелькавших перед ней в вечерних огнях Сены.

Шура снова стояла у окна отеля в Пере. Внезапно, несмотря на холод, сковавший ее, она почувствовала на своей шее теплое дыхание. Сердце ее встрепенулось, и она, прикрыв глаза, склонила голову набок. Когда его руки, обвив талию, скользнули к груди, ее тело словно охватило пламенем.

Она дрожала от удовольствия и возбуждения. Воспоминания были еще так свежи! Ее невидимый возлюбленный, даже находясь в тысячах километрах от нее, все равно пробуждал в ней женщину. Ей нравились эти игры с памятью, даже несмотря на боль. Она продолжала погружаться в воспоминания. Провела ладонями по его рукам, поддаваясь нежным поцелуям, скользящим от волос к шее. Когда к ощущениям прибавился голос, по которому она так тосковала, она полностью оторвалась от реального мира. Когда его губы коснулись мочки ее уха, то произошедшее зимой 1919 года проступило в ее памяти еще отчетливее.

– Знаешь, дорогая, я скучал по снегу, – сказал ей тогда мужчина, которого она любила.

Она полностью отдалась власти видения, принимая его ласки.

– Я тоже, любимый... Я тоже... – прикрыв глаза, прошептала она.

Тепло их дыхания заволокло окно. Глядя на маленький кусочек неба, все еще видневшийся сквозь запотевшее стекло, она пыталась скрыть от него набежавшие на глаза слезы. Но, когда они повернулись друг к другу, мужчина уже знал о ее печали. Ах, разве он не всегда знал о ней? Мужчина продолжал покрывать ее поцелуями – лоб, щеки, – когда он коснулся ее соленых губ, то ни единой слезинки уже не осталось на ее лице – все они были высушены страстью. Она почувствовала, как тяжелеют освобожденные от шпилек волосы. Затем мужчина не спеша расстегнул пуговицы на ее кружевной блузке, касаясь пальцами груди.

Шура хотела прильнуть к нему всем телом и отдаться мужчине без остатка, однако пустота не отпускала ее. Она словно блуждала в потемках, разрываясь между желанием вверить себя любимому человеку и желанием утонуть в своей печали. Ей казалось, будто бы половина ее – и души, и тела – находилась в каком-то другом месте. Она еще не была готова заняться любовью. Не была готова отдать ему свою душу до конца.

– Сеит, тебя когда-нибудь посещало такое чувство?.. – смущенно начала она.

– Какое, любимая?

Шура задумалась, перебирая в голове нужные слова.

– Такое... словно половина твоей души и тела находится где-то в другом месте?

Когда она прошептала, что скучает по снегу, то почувствовала, как внутри нее пустым гулким звуком раздалось отчаяние. Когда она в слезах повторила это, Сеит перестал покрывать поцелуями ее плечи, обхватил ее лицо ладонями и посмотрел ей в глаза. Теперь, годы спустя, она все еще помнила огонь в его глазах, который согревал ее во тьме той ночи.

– Не это ли наша реальность, моя маленькая Шура? Увы-увы. Теперь мы будем испытывать это чувство всегда. У нас нет выбора, любимая, – грустно ответил ей Сеит. В его голосе прозвучала такая же печаль.

Молодая женщина, в муках пытаясь справиться с этим чувством, прекрасно понимала, что ее возлюбленный тоже борется с ним.

– Как ты находишь утешение в такие моменты? – спросила она, легонько поцеловав его ладонь.

Сеит снова нежно обнял ее и коснулся губами ее волос.

– Я? – прошептал он. – Я заполняю пустующие части души и тела тобой, любимая...

Внезапно Шура поняла, с какой несправедливостью относилась к нему все это время. Они ведь были одинаковыми. Сеит страдал гораздо больше нее. Она осознала, что собственная горечь ее больше не волнует. Нет, она должна была помочь Сеиту позабыть о прошлом, позабыть о том, через что он прошел, и наконец-то обрести счастье.

*Я заполняю пустующие части души и тела тобой, любимая...* Эта фраза навсегда застыла в ее памяти.

В тот момент их тела и души должны были объединиться, чтобы их тоска по Родине, семьям и сказочному прошлому, которая болью обжигала нутро, хоть на короткое время нашла успокоение.

Пока воспоминания роились в ее сознании, она чувствовала, как душевные раны вскрывались и начинали кровоточить еще сильнее. Будто не желая просыпаться ото сна, она отошла от окна и повернулась к спальне, освещенной маленькой прикроватной лампой. Со стороны можно было увидеть, как в ее глазах отражаются бежевое постельное белье из чистейшего шелка, обюссонский ковер и абажуры. Но все это казалось ей очень далеким. Гораздо ближе были номер отеля «Шереф» в стамбульском районе Тарлабаши заснеженные холмы и переулки. И, блуждая по этому видению, словно по безлюдному лесу, она шептала:

– Сеит... Сеит, где ты, любимый? Обними меня... Сеит.

Она почувствовала, как с мягким шелестом падают ее бархатная юбка и нижнее белье. Женщина полностью погрузилась в тепло тела, обнимавшего ее, она была готова нежно отдаться этому мужчине, который подхватил ее как пушинку и опустил на кровать. Он целовал ее как будто бы впервые, страстно покрывая поцелуями волосы, лицо, шею, грудь...

А дрова, потрескивающие в печи, алые язычки пламени, видневшиеся сквозь отверстия чугунной дверцы, искусно украшенные занавески и тюль – все это лишь усиливало атмосферу восточной сказки.

Но этот снег, все еще падавший снаружи, был лишь бледным отражением снега из ее воспоминаний. Она протянула руки и коснулась волос Сеита. Когда мужчина крепко обхватил ее, она знала, что вскоре вновь наступит момент, когда ее душа и тело обретут покой.

Пытаясь напомнить себе о том, что воспоминания когда-то были былью, она повернулась к окну и посмотрела в него сквозь полузакрытые глаза. Снег, покрывший карнизы, во тьме ночи казался какой-то далекой, едва узнаваемой белизной. А мужчина, с которым она разделяла тепло своего тела, биение своего сердца и горечь своей души, был словно сувениром из страны белых снегов. Теперь же она отчаянно хотела принадлежать ему вечно и вновь пере-

жить мгновения любви, которые могли бы излечить ее. Сквозь слезы, навернувшиеся на глаза, и сквозь ледяной туман, сковавший окна, она наблюдала за тем, как та, другая женщина занималась любовью с человеком, которого безмерно любила в прошлом, а тем временем мелькавшие на другом берегу Сены огни блуждали по их обнаженным телам.

Ах, и вновь все повторялось! Снежная буря, холода, печали, одиночества – этим парижским вечером все было точь-в-точь как зимой 1919 года. Но сейчас, в этой комнате, ей было гораздо холоднее, нежели той, другой Шуре, жившей в мучивших ее воспоминаниях. Когда она обхватила руками свое дрожащее тело, ей захотелось поменяться с ней местами. В то время как ее тела касались лишь расплывчатые очертания уличных фонарей, тело той, другой Шуры ласкал ее любимый мужчина, и она лежала на простынях с растрепанными волосами, видела любовь в его глазах и дрожала от обуревавших ее чувств.

Она больше не могла наблюдать за той Шурой, что была на пять лет моложе. Озноб пробирал теперь не только тело, но и душу. Казалось, будто ее одолевает какая-то болезнь. В тот момент, когда уличные огни зажглись на ее стороне и ярко осветили комнату, она вернулась в реальность. Но прошлое настолько овладело ею, что женщине непременно хотелось прожить ту ночь до конца. Она сделала большой глоток из бокала, в который налила водку, и прошла в спальню. Сделав еще два глотка, она отставила бокал и прилегла на кровать. Ее светлые волосы в тон бежевого шелка небрежно струились по подушке. Она закрыла глаза, но тут же открыла их вновь. Воспоминания оставались очень яркими.

Холод одиночества отступал, сталкиваясь с огнем, разгоравшимся внутри нее при мыслях о той ночи. Чувствуя мужчину, который был настолько важен ей в прошлом, Шуре хотелось, чтобы он касался ее прямо сейчас, прямо здесь.

– О Сеит, любимый... – прошептала она.

Из глаз градом полились слезы, и теперь она тосковала не только о горестях любви, но и о своей непричастности к ней. Повторив имя Сеита несколько раз, она ласково провела тонкими длинными пальцами по воображаемой голове на подушке. Как будто он хранил, питал и воспитывал все воспоминания о своей любви, о ее недостижимости, о тоске, заточенной в воспоминаниях. Шура потянула на себя край покрывала, лежавшего на кровати. Она повернулась на бок и подтянула колени к животу. Было холодно. Когда-то она полагала, что сможет смириться со своим неразделимым одиночеством, но этого не произошло. Да и с кем бы разделила она его? Разве что только с Сеитом. Им удалось соединить свои два одиночества... на какое-то время. Но теперь она не могла найти ничего, что успокоило бы ее душу. Переехав в Париж, она навсегда оставила своих близких и свою страну. Новая любовь, которую она нашла, оказалась недостаточно сильной. Потому что никакая любовь не затмила бы ту, что ей уже довелось пережить. Она все сильнее и сильнее осознавала глубину их с Сеитом связи. Они умели делиться своими ранами, страданиями, своей болью, даже не говоря о них, потому что их объединяло одно и то же прошлое. Теперь же они стали прошлым друг друга, и Сеит остался там, далеко, в другой жизни.

То, что произошло весной 1924 в доме в Пере... Другие воспоминания посетили ее. Воспоминания о том, как она, проведя ночь с Аленом, увидела на пороге своего дома Сеита... Будь проклят тот день! Один из тех, что изменил ее жизнь навсегда. Она помнила их ссору, его разгневанный взгляд и страстные минуты любви, следовавшие после.

– Да, любовь моя, я хотела бы быть, как те купидоны: застыть, обнимая и целуя тебя. Ах! Я так по тебе скучаю, любимый...

Тоска, которую она испытала, сокрушила ее душу и утомила тело. Но Шура собиралась жить, гордо поднимая голову, не раскрывая никому ни печали, ни боли, ни оставленных в прошлом шрамов. Она должна быть сильной. Она подтянула одеяло к лицу и промокнула глаза...

## Глава третья. Одинокая любовь

Скоро возвращается Алэн. Они собирались вместе провести Новый год и Рождество в Париже. Ее новый мужчина пытался вернуть Шуру всю прелесть былой жизни, которую она оставила позади, и хотел помочь ей забыть обо всех своих страданиях, даже несмотря на то, что почти ничего не знал о них. Он пытался понять прошлое Шуры, ее чувства, надежды и мечты, но все, что было у него, – лишь отблески, отражавшиеся в ее глазах. Он выделил ей квартиру своего отца, а как только вернулся в Париж, то стал проводить с ней все свободное время, одаривая женщину подарками и любясь ею.

Для Шуры эта любовь была иной, более терпкой и стойкой. Спокойной, уравновешенной, без взлетов и падений, без волнений и приключений, без печали и страсти, о которых хотелось бы вспоминать после. Она знала, что случится с ней и Алэном, как только он войдет, – знала так, будто это было высечено в камне. В их отношениях, длящихся вот уже несколько месяцев, не было никаких сюрпризов. Это позволило ей после всего произошедшего в прошлом в какой-то степени испытать чувство пребывания в тихой гавани. Однако, несмотря на всю любовь и заботу, что они разделяли с Алэном, она не могла найти в их отношениях удовлетворения. Она скучала по Сеиту. По его пылкому характеру, способному и к печали, и к безумию, по его ярким чувствам, по его улыбке и по тому, как он, целуя и обнажая ее, говорил: «Мы принадлежим друг другу!» Она скучала по его страстным объятиям, по его губам, по теплу их слившихся в наслаждении тел и по его темно-синим блестящим глазам. Скучала по их общему прошлому на Родине, куда оба больше не смогут вернуться, скучала по семье и потерянному времени, словно проведенному чужой душой в чужом теле, скучала по его желанию жить, по его любви, страсти, состраданию и ласкам. Именно благодаря Сеиту она познала свою женственность, и он многому научил ее. Теперь, когда жизнь ее вошла в размеренное русло, ее телу и сердцу претила эта другая, более спокойная любовь.

Однако в новой стране, вдаль от семьи и близких, в реалиях совершенно иного жизненного пути близость и защита Алэна были важны для нее даже несмотря на то, что мужчина часто находился в разъездах. Это и было нужно ей больше всего. Оставаясь одна, она могла вдоволь переживать свои эмоции, могла горевать и плакать. Но когда рядом находился Алэн, она понимала, что ее обязанность теперь – делать его счастливым и быть счастливой самой.

Несмотря на это, мужчина еще не выполнил данное в Стамбуле обещание и не развелся с женой. Да, они с ней уже давно не жили вместе, но жена Алэна, зная о его отношениях с Шурой, отказалась от развода даже несмотря на то, что вот уже пять лет жила с другим мужчиной. Алэн пытался разрешить ситуацию и постоянно консультировался с дорогими адвокатами. Он ведь дал обещание. В новом году, пообещал он, все будут свободны и он сможет жениться снова.

Когда Шура оглядывалась назад и вспоминала все, что ей пришлось пережить, она думала, что способна справиться с любой жизненной неурядицей. Ей не хотелось принуждать к чему-либо мужчину, который согласился любить и оберегать ее, совесть бы не позволила ей этого. Однако в глубине души она все же с нетерпением ждала дня, когда Алэн принесет ей кольцо и добрую весть о разводе. И в то же время одинокий голос ее сердца задавал лишь один вопрос: ответит ли она ему «да»?

Она бросила в бокал два кусочка льда, ломтик лимона и залила водкой. Поставив на граммофон пластинку со Вторым фортепианным концертом Рахманинова, Шура зажгла сигарету и вставила ее в мундштук. Вспомнив о том, как изменилась ее жизнь за последние восемь лет, она улыбнулась. Где же осталась та маленькая Шуручка из Кисловодска? Ах, если бы матушка могла увидеть ее прямо сейчас! Ее заплетенные в две косички светлые волосы теперь были подстрижены и уложены по последней парижской моде. На губах красная помада, а ногти выкра-

шены в алый цвет. Расшитое блестками шифоновое платье, драпированное под грудью, водка и сигареты сильно отличали ее от Шуры, жившей в России несколько лет назад. Екатерина Николаевна, наверное, упала бы в обморок, увидев свою дочь такой...

С затухающим смехом на губах она попыталась подавить в себе тоску по матери. А ведь отца она не видела еще дольше... Он умер от рака в начале революции.

Погруженная в свои мысли, она опустилась на кресло, стоявшее перед дверью, которая вела во внутренний дворик. Шура затянулась сигаретой и пригубила водку. Ей нравилось это состояние, оно совпадало с ее внутренним одиночеством. Одиночество, которое она испытывала, когда ее окружали другие, было иного толка.

Шура прислонилась к высокой спинке кресла и снова затянулась сигаретой. На мгновение дым, собравшийся у ее лица, отступил к прохладе оконного стекла. Она заметила, как побелели балкон, кованные кресла и перила. Снег продолжал валить. Снежинки падали суетливо, как тайные любовники, спешившие друг к другу, но их ровное падение то и дело прерывалось сильным порывистым ветром.

На мгновение Шура показалось, будто она наблюдает за своей жизнью и судьбами тех, кто повстречался ей на этом пути, – ветер, внезапно обрушившийся на балкон, облизывал скопившиеся груды снега и с пронзительным свистом сбрасывал их вниз, как пыль. Шура в бессилии подумала о том, куда дальше приведет ее судьба, где ей предстоит укрываться и с кем коротать вечера. Она дрожала, холод пробирал ее до костей. Однако холод тот исходил не от снега. За многие годы она уже привыкла к этому чувству, этому одиночеству, этому отчаянию. Она могла разделить его только с Сеитом и только ему доверяла свои самые сокровенные тайны. А теперь он был далеко. И пока не постучат в дверь, пока не взойдет солнце, пока не остановится снег, пока не закончится водка, пока она не встанет с места и пока не замолкнет музыка – образ Сеита будет обнимать ее, и она будет чувствовать его губы на своих руках, на своей шее, на своей груди и на своих губах... Он всегда такой теплый, у него горячее сердце и кожа, и он всегда приходит вовремя – именно тогда, когда его так не хватает...

Мелодичный звонок в дверь вернул ее в настоящий мир. Она поднялась, передернув плечами, будто бы очнувшись от глубокого сна. Шура оставила сигарету в пепельнице и, взяв в руки бокал с последними глотками водки, направилась к двери. Она знала, что это Ален. Несмотря на то что у мужчины был ключ, он всегда звонил и ждал, пока не откроется дверь, будто бы прося разрешения у Шуры войти в ее таинственный мир. Легким движением руки поправив волосы и придав своему лицу счастливый вид, она распахнула дверь.

Ален стоял перед ней в своей капитанской форме и, улыбаясь, протягивал букет белых орхидей. Он обнял ее, и в его взгляде она увидела, как сильно он скучал. Она утонула в объятиях и поцелуях и обнимала Алена в ответ, вдыхая аромат его лосьона и цветов. Она медленно воссоединялась с мечтами и образами, которые всплывали перед ней, когда она в одиночестве пила водку. Шура очень нуждалась в том, чтобы ее одиночество приняли и посочувствовали ему. Ей хотелось довериться кому-то, и она крепко обняла мужчину за шею. Ален улыбнулся.

Шура прекрасно знала, что неловкие мгновения этой встречи скоро сменятся порывами страсти. Мысль об этом согрела ее.

– Впустишь меня? – прошептал он ей на ухо.

Шура, рассмеявшись над своей неловкостью, отступила. Взяв цветы, она наблюдала за тем, как Ален переносит в комнату чемодан и шляпу, оставленные снаружи. Закрыв дверь, она подошла к нему и, чмокнув в щеку, сказала:

– Великолепный букет, благодарю тебя. Пойду поставлю его в вазу.

– Сначала я хотел добыть для тебя синие ирисы, но, увы, сейчас не сезон.

– Любимый, эти цветы тоже прекрасны. – Голос Шуры донесся из кухни, куда она ушла, чтобы найти подходящую вазу.

– Но ирисы ты любишь больше...

Ален не стал разбирать вещи и, сняв пальто, подошел к Шуре. Он обнял ее, стоявшую у крапа и перебиравшую орхидеи, и, коснувшись губами ее волос, сказал:

– Я всегда хочу дать тебе то, что ты любишь больше всего.

Шура повернулась и ласково погладила его щеку.

– Никто из нас не может постоянно давать другому только то, что он любит, Ален.

Она вновь обратила свое внимание на цветы и, чуть погодя, продолжила:

– Даже если это и мы с тобой...

Пытаясь скрыть проскользнувшую в ее голосе грусть, она взяла в руки вазу и повернулась к мужчине:

– Но я могу предложить тебе твой любимый напиток.

Ален нежно приобнял ее за плечи и поцеловал в лоб.

– Я разделю с тобой твой.

– Это несложно, – улыбнулась Шура, направляясь в гостиную.

Мужчина никак не мог налюбоваться ею и все следил за тем, как она изящно передвигается по квартире. Поставив вазу на столик из орехового дерева и легким движением придав букету окончательную форму, Шура проследовала к буфету с алкоголем и принялась наполнять льдом бокал. Ален чувствовал, как Шура испытывает и боль, и радость одновременно. Она находилась здесь, с ним, в Париже, но в то же время эта хрупкая, невесомая женщина, которая ходила настолько изящно, что ее ноги почти не касались ковра, находилась в другом месте, отражалась в другом мире. Ее тонкие пальцы, касавшиеся бокалов, ее бархатистая кожа, ее серо-голубые глаза и медные волосы – все будто становилось полупрозрачным, чужеродным. И несмотря на то, что Ален видел ее и чувствовал тепло, которое исходила ее кожа, мужчина понимал, что он лишь гость в ее мире. Он боялся, что однажды не сможет коснуться ее, что она предпочтет ему свои мечты и грезы. Что-то подсказывало ему, что он здесь, пока избранница позволяет ему это, и что он будет с ней ровно столько, сколько она сама того захочет. Это ранило его – никакая другая женщина, которых он знал раньше, не причиняла ему такую боль.

Так любить и быть таким одиноким! Вот что он испытывал в присутствии Шуры, вот что неизменно отражалось на его внутреннем мире. Именно его собственное неизлечимое одиночество и тоска любимой женщины, запечатленная в ее душе, заставляли их жить в своих собственных мирах, и это только сильнее сковывало и пленило Алена.

Шура наполнила бокалы и, улыбаясь, подошла к нему. Ален помотал головой, прогоняя глупые мысли. Одной рукой он взял бокал, а другой погладил женщину по щеке.

– Моя богиня! Какая же ты красивая! Как я скучал по тебе!

Женщина ничего не ответила, но с удовольствием кошки устроилась в его объятиях.

– С возвращением, дорогой, – сказала она, внимательно посмотрев мужчине в глаза.

Ален не хотел выпускать из объятий любимую женщину, с которой переживал минуты удовольствия, которых не знал раньше. Он сделал глоток водки, и не успела она обсохнуть на его губах, как он потянулся к Шуре и поцеловал ее.

Лежа на кровати в объятиях Алена, Шура думала об огромном мире, который таился внутри нее – о ее ночах с Сеитом, о прошлом, растаявшим как мираж, и о будущем, к которому сейчас тянулась. Два мира удивительным образом переплелись в ее сознании, ее жизни. Ален не мог не заметить, как помутнел ее взгляд. Внезапно он прекратил свои ласки и встревоженно посмотрел Шуре в глаза, а та, в свою очередь, не хотела его расстраивать – ведь ему и без того довелось пережить столько боли. Ей вдруг стало бесконечно жаль Алена. С Сеитом их объединяло и общее прошлое, и общее будущее. С Аленом не объединяло ничего. Она прогнала прочь воспоминания о Сеите и полностью отдалась Алену.

\* \* \*

Шура проснулась от монотонного постукивания закончившейся пластинки. Этот звук словно гипнотизировал ее. Она не помнила, как долго они с Аленом спали, и не помнила, выключила ли свет на прикроватной тумбочке. Единственным источником света в комнате было сияние уличных фонарей на берегу реки. Стараясь не разбудить Алена, она медленно приподняла его руку, обнимавшую ее за грудь, и поднялась с постели. Когда она на цыпочках подошла к гардеробу, то от холода легонько приобняла себя, пытаясь согреться. Туманный свет, скользивший по комнате, рисовал тусклые полосы на ее обнаженном теле, пока она рассматривала себя в зеркале гардероба. Но вдруг, будто бы желая скрыться от своего отражения, она открыла дверь и сняла с одной из вешалок халат. Шелковая ткань скользнула по ее телу, будто бы обнимая женщину.

Женщина подошла к граммофону и сняла с пластинки шипевшую иглу. Шура не знала, что делать дальше. Она могла вернуться в постель, но не хотела спать – она устала от своих мучительных снов, но и явь не давала ей покоя, мучая воспоминаниями. Она должна была заставить себя вновь мечтать и строить планы на будущее, но на это у нее не было сил. Все непрерывно напоминало ей о прошлом, о том, что она оставила позади, и это мешало целиком окунуться в новую жизнь. Нет, она не могла просто так положить голову на подушку и спокойно заснуть.

Медленно, гораздо медленнее, чем одолевавшие ее мысли, она подошла к балконной двери, скрестила на груди руки и подняла голову к небу.

Снег падал медленно, будто бы и вовсе не хотел долетать до земли. Внезапно налетевший ветер вскинул в небо витавшие в воздухе снежинки и сорвал с места те, что лежали на крышах и деревьях. Шуре показалось, что началась снежная буря. Маленькие, но амбициозные снежинки взволнованно закружились в стремительном танце, то замедляясь, то разгоняясь вновь. Они группировались, словно придавая ветру форму, и продолжали вырисовывать собой причудливые силуэты – снежинки то тянулись друг к другу, как давние любовники, то рассыпались, растворяясь в непогоде. Дуб, возвышавшийся перед домом, казалось бы, защищал собой несколько сухих листьев, чудом уцелевших на его ветвях. Шура с грустной улыбкой наблюдала за несколькими спящими птицами, которые, точь-в-точь как она, пытались укрыться от бури среди раскидистых ветвей дерева. Внезапно женщина почувствовала усталость и направилась к креслу, продолжая смотреть на улицу. Шура подложила под ноги подушку, набитую гусиным пухом, и, устроившись поудобнее, как птица в гнезде, осознала, что невольно стала частью этой беспокойной ночи.

Цветочные горшки, лампы, кованые стулья, покрытые снегом, – маленькие души прошлого словно сменили форму и теперь ждали ее здесь, в Париже, готовые в любой момент встрепенуться и ожить. Эти души могли принадлежать чему угодно... Грозному, Новороссийску, Кисловодску, Новочеркаску, Петербургу, Москве, Рязани, Нарзану, Алуште, Синопу, Стамбулу... Все города, когда-либо бывшие частью ее жизни, теперь обитали на этом балконе.

И вот она уже блуждает по лабиринтам памяти, перебираясь из одного города в другой, и каждый из этих городов оставил глубокую рану на ее душе и сердце. Она не могла остановиться, этот забег увлек ее, и она, как и в реальной жизни, предпочла отдаться течению. Она не могла удержаться. У нее никого не осталось. Ей казалось, будто бы все, даже птицы, покинули эти города, и она уходила последней, забирая с собой все, даже воспоминания. Слезы обжигающими струйками стекали по ее щекам. Шура понимала, что Париж причиняет ей нескончаемую боль...

## Глава четвертая. Валентина

*Тем же вечером, Пера, Стамбул*

Когда азан, раздавшийся из мечети Хусейна-аги, разрезал стылый ночной воздух, Валентина еще не спала. Беспокойно поерзав в кресле, стоявшем в гостиной, она захлопнула крышку небольшой кожаной шкатулки, которую держала на коленях, и затихла, будто бы к чему-то прислушиваясь. В спальне было тихо. Но эта тишина не успокоила ее. Она положила шкатулку на журнальный столик, к лампе, и медленно поднялась. Огонь, вечером горевший в изразцовой печи, давно погас. Поплотнее закутавшись в халат и завернувшись в шаль, Валентина вышла из гостиной. Плитка впивалась в ее ноги неприятным холодом. Женщина дошла до спальни и заглянула внутрь: спавший на спине муж с легким бормотанием повернулся на бок и протянул руку, словно пытаясь приобнять жену. Несколько раз впустую захватив воздух, рука легла на простыню и затихла. Очевидно, ни громкий азан, ни отсутствие супруги не сумели пробудить Александра Александровича от его глубокого сна. Валентина аккуратно подошла к кровати, стараясь не скрипеть старыми деревянными половицами, и на мгновение встала у постели, любясь стройным телом мужа. Затем она мягко поцеловала его в губы и, развернувшись, так же бесшумно удалилась в гостиную.

Валентина опустила в кресло и, подобрав под себя ноги, вновь взяла в руки старую шкатулку, которую оставила на журнальном столике. Она открыла ее с необычайной нежностью, будто бы касалась животного, чья шкура может пострадать от малейшего прикосновения. Прикрыв глаза, женщина вдохнула запах прошлого, вырвавшийся из шкатулки. Она провела пальцами по шершавой поверхности конвертов, будто бы поглаживая их. К горлу подступил ком. Она сглотнула... Ком никуда не делся. Валентина почувствовала, как увлажнились ее глаза. Она начала открывать телеграммы, лежавшие сверху. Сколько раз читала она их! Женщина выучила наизусть каждое предложение, каждое слово, но все еще волновалась так, словно получила эти письма впервые, а не четыре года назад. Письма мгновенно вырвали ее из реального времени, и вот Валентина уже обнаружила себя в осеннем Кисловодске 1919 года. Несмотря на то что пара предложений, написанных на пожелтевшей телеграфной бумаге, выглядели простыми и формальными, в них была заложена огромная любовь к Валентине. Да, женщина знала, когда и зачем пришла эта новость и при каких обстоятельствах она была написана.

Константин, из баронского рода Клодтов фон Юргенсбургов, 1 октября 1919 года отправил в Кисловодск телеграмму на имя Валентины Юлиановны Верженской. «Выезжаю до 5-го числа месяца. Все в порядке». Ах, так прямо и лаконично... Эти слова, написанные много лет назад, согрели Валентину. Ее кровь стала такой же пылкой и обжигающей, как южное солнце 1919 года. На самом деле те времена стали поворотными в их жизни – то были годы войны, революции, страха, беспокойства, кровопролития и смерти, и несмотря на это, на фоне такой ужасающей картины цвела любовь Константина к ней, и ей казалось, будто она скрывала жуткую правду эпохи, оборачивая ее в романтическую завесу и сохраняя только самые лучшие воспоминания.

В тот год влияние большевиков стремительно распространялось по Кавказу. Российское государство страдало от них, как от разрушительного землетрясения, – царская власть на протяжении долгого времени отчаянно пыталась бороться с немцами на внешних фронтах и с красными – на внутренних. Несмотря на то что ей тогда было всего восемнадцать, Валентина помнила, как пыталась быть храброй и бесстрашной и как дрожала ночами, слыша, как большевики окружали Кисловодск. Их большой, будто бы сказочный дом, в котором они росли в тепле и довольстве, любящая их семья и вольготная жизнь, которой они жили благодаря усилиями их отца, – все это и было для нее Россией, и ей никогда прежде не приходило в голову,

что кто-то может посягнуть на такую красивую и мирную жизнь. Восемнадцатилетняя Валентина искренне верила в одно – что бы плохое и уродливое ни случилось, все закончится и вернется на круги своя.

Однако прекрасный рай в Кисловодске сильно изменился. Ее старший брат Пантелеймон, Паня, уже давно воевал на прусской границе. Средний, Николай, в 1915 году окончил Санкт-Петербургскую военно-морскую академию и присоединился к армии в звании лейтенанта. А младший брат Владимир, только что закончивший кисловодскую среднюю школу и поступивший в университет в Москве, был призван на Кавказский фронт. Некоторое время спустя, когда в Кисловодск начали стекаться раненые солдаты и офицеры, этот сказочный уголок Кавказа больше не мог оставаться в стороне от войны.

Всеобщая любимица, Анна Ивановна Черкесова, выхлопотала у города номера в двух лучших отелях города, превратив их в лечебно-реабилитационный центр для раненых. Кисловодск, в те годы знавший только раненых солдат, которые воевали на фронте и уже получили первую помощь, все еще был достаточно далеко от настоящего ужаса.

История дала Валентине понять одно – жизнь уже никогда не вернется в прежнее русло. Когда она вспоминала, как они всей семьей несколько раз наглухо запирали дом и бежали к ее дяде, атаману Богаевскому, в Новочеркасск, в ее сердце всегда теплилась надежда – ведь даже в такой тяжелый час они мечтали снова вернуться в Кисловодск и распахнуть двери дома для гостей.

Как же странно устроен человеческий мозг! Валентина не могла смириться с мыслью о возможной потере лучшего, что у нее было, и не желала думать о будущем – еще более тяжелом и опасном. Потому что, несмотря на нараставший с каждым днем хаос, ее время от времени навещало счастье, крупинцы мира и довольства, к которым она привыкла. Кроме этого, у аристократов, до того дня не знавших бед и лишений, даже в такое время не было сил думать о какой-то иной жизни – не той, к которой они привыкли. В разгар войны, когда ужасы революции вплотную подошли к их порогу, члены семьи Валентины верили, что, даже если они разъехались по домам родственников, живших дальше от фронта, и укрылись в некоторых более безопасных местах, достаток, власть и титул помогут им избежать неудобств и вскоре они вернуться к прежней спокойной жизни. Да, каждый из них хотел верить в это.

Годы спустя, одним зимним вечером, сидя в кресле далеко от родного Кисловодска, Валентина вновь перечитала телеграмму: *Выезжаю до 5-го числа месяца. Все в порядке.*

Когда она прочла первое предложение, то почувствовала, как время застыло в ее руках.

Валентина вновь испытала то же волнение, которое настигло ее 3 октября 1919 года, когда она еще находилась в доме отца в Кисловодске. Несмотря на то что прошло много лет, ее воспоминания о Константине были настолько свежи, будто телеграмма пришла только вчера. Но все это осталось позади. Позади, вместе с той эпохой, той страной, теми границами и той жизнью...

Словно молнии, вошли в ее жизнь любовь и Константин. Валентина снова позабыла о Пере и о Стамбуле и на крыльях воспоминаний унеслась в прошлое, на четыре года назад.

\* \* \*

Помолвка Татьяны Келлер стала настоящей отдушиной в разгар войны – свадьбу назначили на начало августа.

Татьяна была дочерью барона Келлера, первого мужа Надежды Николаевны, родной сестры Екатерины Верженской.

Молодых гостей особенно восхитил Атаманский дворец в Новочеркасске, в котором остановились все приглашенные на торжество. И в то время, когда над Кисловодском прогремела первая канонада, дворец, в который они приехали, готовился к пиршеству.

Екатерина Николаевна прибыла с дочерьми Ниной и Тиной из Кисловодска, ее сын от первого брака Паня – с Восточно-кавказского фронта, а Коля и Вова, другие братья, – с других фронтов, из разных подразделений. Николай также привез свою жену Таню и их трехлетнюю дочь Катю. Семья, долгое время жившая врозь, была невероятно рада воссоединению; однако отсутствие Юлиана Верженского и Шурочки все равно ощущалось с невероятной силой.

Свадьба Татьяны состоялась днем, в церкви, располагавшейся на втором этаже дворца. Затем все перешли в сад и наслаждались шампанским. С неба же на гостей с самолета сбрасывали лепестки роз, словно желая продемонстрировать, что и в ужасе войны с небес может сойти красота. После церемонии друзья жениха пригласили всех в шикарный ресторан в центре Ростова, где до самого утра раздавался перезвон бокалов под аккомпанемент цыганской музыки.

Наблюдая за тем, как кузина танцует в объятиях своего новоиспеченного мужа, Валентина задумалась, мог ли кто-то из присутствовавших на свадьбе молодых неженатых мужчин стать ее супругом. Она не могла и представить себе, что вскоре судьба преподнесет ей сюрприз и подарит встречу, которая навсегда изменит ее жизнь.

Это был чудесный августовский вечер. После свадьбы они вернулись в Кисловодск. Екатерина Николаевна организовала ужин в честь своей близкой подруги Анны Ивановны Черкесовой. Валентина заметила, что ее мать выглядит более радостной и довольной, чем обычно, но не придала этому значения – должно быть, женщина пыталась скрыть траур, в котором находилась после смерти мужа и отъезда Шуры.

Когда Валентина вечером увидела великолепный стол, накрытый в большом зале, то поняла, что гостей будет больше, чем предполагалось. Оказывается, Анна Ивановна явится на ужин вместе со своими внуками, приехавшими навестить ее из Одессы.

Ее старший внук, двадцатидвухлетний барон Константин Клодт фон Юргенсбург, был офицером артиллерийского полка при царской армии. Едва Валентина увидела его, как поняла – она хочет в один прекрасный день стать его женой. И чувство это было взаимным. Молодые люди влюбились с первого взгляда. Во время ужина они тайно наблюдали друг за другом. Время от времени их глаза встречались, а неловкие улыбки на губах безмолвно выражали всю гамму охвативших их чувств.

Когда после ужина гости начали расходиться, Константин бережно поднял ладонь Валентины и поднес ее к губам. В тот момент девушке показалось, что ее сердце вот-вот вырвется из грудной клетки. Оно билось и трепыхалось, как пойманная птица в клетке. В ту ночь Валентина не могла уснуть. Теперь она гораздо лучше понимала чувства Шуры к ее молодому крымскому лейтенанту, с которым та познакомилась в Петербурге. Понимала, отчего так горели ее щеки, когда она встречалась с ним, так блестели ее глаза и такой замкнутой и меланхоличной становилась она, когда разлучалась с ним. Вероятно, если бы с Валентиной сейчас не происходило то же самое, ей никогда бы не удалось понять Шуру.

Вскоре после первого ужина матушка сообщила, что пригласила гостей вновь. Валентина почувствовала, что сам Бог ответил на ее молитвы. Она снова увидит Константина!

В тот вечер Екатерина Николаевна пригласила в качестве шеф-повара господина Давыдова, известного своими шашлыками. Стол на этот раз поставили на террасе, и он ломился от всевозможных угощений – от разных видов мяса до вишневой шарлотки и медовика. Однако Валентина от волнения не смогла съесть ни кусочка. Константин вторил ей. Оба почти не притронулись к еде, а вместо этого бесконечно говорили, словно желая рассказать друг другу всю свою жизнь. Так они узнали, что у них очень много общего и даже музыкальные вкусы совпадают. А еще оба недавно потеряли отцов. Красное вино, которое они иногда потягивали, словно помогало им увидеть не только внешнюю оболочку друг друга, но и погрузиться во

внутренний мир. А то, как мило улыбались, глядя на них, и матушка Валентины, и Анна Ивановна, давало Валентине понять, что главы семей одобряют и поддерживают это сближение.

Когда после ужина Валентина села за пианино и положила пальцы на клавиши, собираясь сыграть композицию Чайковского, Константин, игравший на виолончели, предложил составить ей компанию. В тот момент все, кто смотрел на них, осознавали, что так начинается большая любовь.

Вечером, уже прощаясь, они нежно соприкоснулись руками и посмотрели друг другу в глаза, как бы давая понять, что хотят скорее встретиться вновь. И правда, спустя несколько дней Константин прислал к ним с письмом дворецкого своей бабушки. В письме говорилось, что Валентина приглашена на концерт.

Молодую девушку, с самого раннего возраста увлекавшуюся классической музыкой, композиции, исполненные той ночью, почему-то впечатлили куда гораздо более, чем прежде. Всякий раз, когда ноты устремлялись ввысь, ее глаза наполнялись слезами, и она начинала думать о том, как сильно будет скучать по Константину, который рано или поздно покинет Кисловодск. Константин же думал о том, как сообщить о своих намерениях девушке, в которую влюбился вдали от отчего дома. Не отрывая взгляд от сцены, он робко протянул руку к Валентине и нежно коснулся ее ладони. Сердце ее словно остановилось и ухнуло вниз. Едва сдерживая слезы, она сидела прямо, не высвобождая свою ладонь из ладони Константина.

Верженская вернулась домой, не чувствуя ног. Вечер был наполнен романтикой, несмотря на то, что Екатерина Николаевна всегда украдкой приглядывала за своими детьми и никогда не ложилась спать, пока все не вернется домой. Даже когда Валентина ужинала с Константином за одним столом и наслаждалась его обществом и беседой с ним, ей казалось, будто с верхних этажей дома за ней кто-то следит. Однако магия августовской ночи ничуть не слабела от этого, и Валентина с радостью проводила время с молодым бароном, в которого беззаветно влюбилась.

Когда на обратном пути молодые люди вошли в сад, они сразу же взялись за руки, будто бы заключая безмолвный контракт. Летняя ночь окутывала их тела, как теплый невесомый тюль; Валентина и Константин шли, испытывая сладостное беспокойство и словно вдыхая аромат взаимной любви, который смешивался с запахом сырой земли и нежных цветов. Дойдя до беседки, Константин нежно обхватил ладони девушки, медленно наклонился и коснулся их губами. В тот момент Валентина почувствовала, как земля уходит у нее из-под ног. Да, это был мужчина, которого ей хотелось любить и оберегать всю жизнь, именно тот, с кем она хотела воспитывать детей и мирно встретить старость.

Среди ужаса и хаоса, в которых тонула Россия, было трудно на что-то надеяться и строить планы на будущее, но то была любовь, а она не знает препятствий. И правда, прошло еще несколько семейных встреч и одно свидание, и погожим осенним днем молодой барон встал перед Валентиной на колени и, взяв ее за руки, объяснился в любви и сделал предложение. Девушка давно ждала этого дня, но не могла и представить себе, насколько счастливой ее сделают его слова. Ей казалось, что у нее вот-вот вырастут крылья и она умчится в небо. Она не была уверена, действительно ли сказала «да», ведь пульс, стучавший в ее голове, перекрывал любые звуки. Но после того как Константин радостно обнял ее, она поняла, что все же дала согласие.

После смерти мужа все семейные заботы легли на плечи Екатерины Николаевны. Несмотря на веру в свою страну, неопределенность заставляла ее беспокоиться за будущее своих детей, а поэтому, узнав, что Валентина выходит замуж за наследника одной из самых именитых аристократических семей России, была очень счастлива и не скрывала своей радости. Валентина чувствовала, что после объявления о ее браке одной мыслью из тревожащих ее матушку стало меньше.

Размышляя о Шуре и ее тайной любви, которая никогда бы не закончилась свадьбой, Валентина не могла не думать о том, как повезло ей самой. Она влюбилась во внука подруги матери, их семьи знали и уважали друг друга, и они вступали в брак в полном согласии и с поддержкой обеих сторон. Девушка чувствовала себя очень сильной и защищенной. В ее жизни не было места неприятностям и печалям – она попросту не подпускала их к себе.

Да, Валентине исполнилось всего восемнадцать, она была безумно влюблена и еще не знала, в какую игру с ней сыграет жестокая и своенравная дама, именуемая судьбой. В игру, в которой у Валентины голоса не будет.

Датой свадьбы выбрали 7 января – день рождения Юлиана Верженского. До этого времени Константину нужно было съездить в Одессу и принять участие в семейной сделке по продаже земли. Затем он планировал вернуться в Кисловодск и начать подготовку к торжеству. В тот раз прощание удалось им сложнее, однако их сердца согревала мысль о том, что вскоре они объединят свои судьбы и больше никогда не расстанутся.

Первого октября Константин отбил ей телеграмму: «Выезжаю до 5-го числа месяца. Все в порядке». Именно тогда началось его путешествие в Одессу и, как она надеялась, обратно. Валентина, охваченная новообретенной любовью, верила, что дни пролетят незаметно, а ее жених быстро решит все семейные дела. Однако этого не случилось. Двадцать седьмого ноября пришла другая телеграмма. Константин известил ее, что все еще занят. Больше вестей она от него не получала. Проходили дни, недели... Одни бессонные ночи сменялись другими, а Валентина все ждала и каждое утро просыпалась с надеждой вот-вот получить новую телеграмму. Возможно, он хочет сделать ей сюрприз и объявиться внезапно? Однако недели превратились в месяцы, и Валентина начала терять надежду. От Константина ничего не было слышно... Его родители также ничего не знали о судьбе сына. Было известно лишь то, что Константин покинул Одессу, однако дальше его след терялся...

Дом Верженских погрузился в невиданное доселе отчаяние. С одной стороны, подготовка к свадьбе продолжалась как ни в чем не бывало, а с другой – всех беспокоил пропавший без вести жених. После того, как Екатерина Николаевна пережила горе одной дочери, которая теперь находилась вдали от нее, она пообещала себе не падать духом ради счастья другой. Стремясь поддерживать высокий моральный дух своей семьи, женщина не отступала от плана и продолжала готовиться к церемонии бракосочетания. И это постоянное движение отвлекало Валентину. Потому что, находясь в постоянном обществе портных, вышивальщиц, ткачих, шляпников и модельеров и примеряя многочисленные платья, Валентина спасалась от суеты мыслями о женихе, и они не тревожили ее, а скорее, наоборот, были своеобразным лекарством.

До Рождества оставалось три недели. Кисловодск замело снегом. Вестей от Константина все еще не было, а большевики подходили к городу ближе и ближе: новости о поджогах, грабежах и убийствах перестали быть сплетнями и превратились в истории, рассказанные очевидцами. В новогоднюю ночь звуки перестрелок уже доносились до каждого дома. Екатерина Николаевна больше не могла сохранять хладнокровие – стало очевидно, что грядущий день уже не станет лучше прошедшего. Ей вновь пришлось принять трудное решение, ведь от нее зависела жизнь ее детей.

За несколько часов до Нового года Валентина села в грузовой поезд, направлявшийся в Екатеринодар, где жил ее дядя, атаман Богаевский. С собой у нее было приданое, набитое в ящики, и несколько чемоданов личных вещей. Прощаться с матерью и Ниной было непросто. Но Екатерина Николаевна справедливо считала, что находиться в Кисловодске больше небезопасно, и, несмотря на то, что сердце женщины разрывалось от разлуки с любимой Тиночкой, было разумнее отправить дочь в более безопасное место. Та настаивала на том, чтобы они поехали вместе, но женщина не хотела покидать дом, наполненный воспоминаниями о муже и детях. И, несмотря на то, что другой ее дочери, Нине, уже исполнилось двадцать семь лет,

Екатерина Николаевна решила оставить под своим крылом эту нежную, скромную и хрупкую девочку.

Когда Валентина прибыла в Екатеринодар, девушку встретил ее младший брат Владимир, служивший в армии. Они встретились с начальником штаба Богаевского в роскошном дорогом ресторане, и Валентина с любопытством наблюдала за офицерами, собравшимися за большим круглым столом. Она все еще надеялась на возвращение Константина. Однако он не ехал и не ехал. Разочарование комом встало в горле. Когда она выпила немного шампанского, тоска усилилась, и девушка не сумела сдержать слез. Молодые офицеры изо всех сил пытались успокоить ее: они говорили, что дороги перекрыты из-за перестрелок и что Константин рано или поздно вернется, а если бы с ним что-то случилось, они бы узнали об этом. Но слова не могли заглушить ее горе. Казалось, будто судьба ни за что не позволит девушке жить так, как она того хочет. Эта неопределенность особенно пугала ее.

Внезапно застучавший по стеклу проливной дождь вырвал Валентину из объятий прошлого. Когда она сложила телеграмму и положила ее на место, с черно-белой фотографии, стоявшей поодаль, ей улыбнулись знакомые лица. Ах, после стольких горьких и тревожных времен она все еще могла и хотела улыбаться им в ответ.

Когда друг, которого они с братом Владимиром навещали в Новороссийске, получил известие о том, что Константин в тот день выехал в Кисловодск, Валентине показалось, что она вот-вот упадет в обморок от радости. Несмотря на то что ради безопасности матушка отправила ее к дяде, девушка убедила брата выехать обратно в Кисловодск, чтобы встретиться с любимым. Они ехали быстро, чтобы все успеть, и в конце концов нашли скрывавшегося в гостинице у дороги Константина. Когда влюбленные встретились, они обняли друг друга настолько крепко, будто и не надеялись увидеться вновь.

По странному капризу судьбы эта встреча состоялась 7 января – в день, когда должна была состояться их свадьба. В тот день Валентина узнала, что Константин не мог ей написать из-за забастовки и полного отключения связи в Одессе и вокруг нее.

Молодые люди быстро приняли решение вернуться к Богаевскому и поэтому сели на поезд.

Неделя, которую они провели в поезде, в предоставленном им вагоне, была наполнена счастьем, смешанным с ужасом перед преследующими их большевиками. Однако вооруженные офицеры тщательно охраняли влюбленных и делали все возможное для того, чтобы им было комфортно.

Атаман Богаевский вызвал генерала Маниковского и попросил подготовить специальный документ, для того чтобы Константина не судили за дезертирство. В нем говорилось, что капитан Клодт фон Юргенсбург прибыл на Кавказ за лошадьми. Документ вполне годился для императорской армии, однако от буйств большевиков средства, увы, не было. Между тем поступали новости о том, что белогвардейские войска вытеснили большевиков из Кисловодска. Вверив свои судьбы Господу, молодые люди вновь решили вернуться туда и через двенадцать дней уже стояли у ворот Верженских. Екатерина Николаевна, полагавшая, что отправила Тиночку, как и Шуру, в неизвестность, обезумела от радости, увидев на пороге своего дома не только дочь и зятя, но также и своего сына.

В тот момент жизнь в городе, пережившем большевистскую осаду, казалась относительно нормальной. Столкновения белых с красными на этой территории происходили не впервые. Однако угроза никуда не делась, и все жили, наслаждаясь временной свободой и страшась будущего.

Валентина чувствовала себя так, будто родилась заново, ведь она вернулась к прежней жизни и к любимому мужчине. Подготовка к свадьбе, брошенная из-за поспешного отъезда, возобновилась, а Екатерина Николаевна вновь бросила все свои силы на то, чтобы и церемония бракосочетания, и гуляния прошли наилучшим образом. Будь даже жив ее муж, она бы все

равно проследила за всем сама. Теперь же ей требовалось сделать все, чтобы ни Валентина, ни гости не ощущали отсутствие мужчины, главы дома.

Двадцать второго января состоялась великолепная свадебная церемония, за которой последовал сказочный праздник.

Валентину пьянили не столько комплименты, восхищенные взгляды и шикарное платье, сколько присутствие рядом любимого мужа. Константин был облачен в артиллерийскую форму – темно-синий мундир, черные галифе и лакированные сапоги, на груди у него блестели ордена, а на плечах красовались погоны. Она не отрывала от него очарованных глаз и видела ответную любовь в глазах жизнерадостного и бесстрашного мужа. Константин безмерно обожал свою стойкую и упорную жену и ничуть не стеснялся этого.

Благодаря документу, который атаман Богаевский раздобыл для молодого барона Константина, молодожены целый месяц могли регулярно встречаться и наслаждаться семейной жизнью. Но эти дни миновали, как прекрасный сон. По городу прошли новые слухи: большевики снова приближаются к Кисловодску, и вскоре все узнали, что Красная армия в часе езды от города. На этот раз Валентина и ее близкие знали: нужно бежать вместе. Белогвардейцы вряд ли смогут одержать еще одну победу. Большевики рано или поздно возьмут город, и исход для жителей очевиден – дома и усадьбы разграбят, а тех, кто окажет сопротивление – офицеров, слуг, аристократов, – убьют. Валентина в слезах пыталась убедить матушку бежать с ними, но Екатерина Николаевна отказывалась покидать свой дом, ведь именно в нем она прожила самые счастливые свои годы. Правда, на этот раз она разрешила Нине уехать, но ответ сестры был очевиден – она не могла оставить мать совсем одну.

Разлука на этот раз обещала быть еще более горькой и долгой. Едва теплящаяся надежда подсказывала им, что даже если семья когда-нибудь встретится вновь, то это случится нескоро.

Тепло попрощавшись с Верженскими, Константин и Валентина направились к железнодорожному вокзалу. Вокзал кишел людьми, все кричали и толкались, пытаясь сбежать к лучшей жизни. Как только прибыл первый поезд до Новороссийска, молодая пара еле пробилась к вагону и заняла места. Когда многодневный путь подошел к концу, поезд Богаевского все еще находился в Новороссийске, а сам атаман уже перебрался в Крым и переправил всю свою семью в Стамбул. Он должен был вернуться в любую минуту. Похоже, Белая армия терпела крах на юге – отступить было некуда. Большевики не просто уничтожали все на своем пути, они свержали местную власть и устанавливали свою, ликвидируя всех, кто имел связи с императорской Россией. Так в ее стране заканчивалась целая эпоха...

Валентина внезапно осознала, что устала от воспоминаний, хранившихся в шкатулке. Она настолько погрузилась в прошлое, что не услышала тихих шагов босых ног в коридоре.

Это Александр Александрович Таскин, уже давно заметивший ее отсутствие, отправился на поиски супруги.

Она посмотрела на старую фотографию: там, перед огромной церковью, в которой пожились Валентина и Константин, выстроились офицеры. Она осторожно касалась указательным пальцем каждого лица, напрягая память, чтобы вспомнить имена. Многих из них, друзей ее младшего брата Вовы и Константина, она тогда увидела в первый раз. В первый и последний... Она хранила о Константине только самые теплые воспоминания. Он уезжал от нее в открытом грузовом вагоне, сидя на груде вещей, словно верхом на лошади, улыбаясь и маша рукой своей жене. Поезд, набитый военными, направлялся в Каховку, которая в те годы была последней линией огня в противостоянии с большевиками...

Валентина вновь вспомнила их прощание, когда они с мужем долго махали друг другу, пока поезд не исчез за горизонтом. Хотела бы она, чтобы память застыла на этом месте и не двигалась дальше. Хотелось бы, чтобы то прощание так и осталось незавершенным, неопределенным. Чтобы дядя Богаевский в их последней беседе говорил более определенно... Возможно, он передал ей все, что знал...

Но Валентина не хотела мириться с реальностью. Потому что несколько друзей Константина, переживших засаду, уверяли, что его только ранили и забрали в плен. Возможно, он сбежал и теперь где-то скрывается. Возможно, он еще вернется к ней... А если и вернется, то как она объяснит ему свой второй брак? Если они снова встретятся, найдет ли она в себе силы бросить Александра и вернуться к своему Косте? От этой мысли ее сердце забилося как сумасшедшее. Тот юноша, которого она полюбила, всегда был единственным мужчиной в ее жизни. Их разлучил поезд, уходивший на фронт... Ах, Костя! Если бы он вернулся, захотел бы вновь увидеть свою жену?..

Валентина захлопнула крышку шкатулки и смахнула со щек слезы. Ей показалось, будто бы часть ее души навеки осталась там.

Александр, сонно повернувшись, приобнял ее и поцеловал плечо супруги.

## Глава пятая. Екатерина Николаевна

*Тем же вечером, Петроград*

Зима пушистым одеялом укутала легендарный город, двести лет носивший гордое звание столицы государства. Петербург, облаченный в белое, встречал новый день. Грузное, темное небо, снег и серые облака – теперь солнца здесь не будет до весны. Холодная дымка поднималась с поверхности Невы, которая причудливыми линиями пересекала весь город, и дымка та сливалась с мрачным небом, почти касавшимся земли, и окружала собой мосты, улицы, здания, людей, пропитывая округу тоской и будто бы поглощая любой цвет.

С августа 1914 года, когда Санкт-Петербург был переименован в Петроград, город, казалось бы, проливал слезы по самому себе. Впрочем, это касалось многих городов державы... Не только зима была причиной печального образа Петрограда. Боль и потери, которые в Первую мировую войну перенес не только фронт, но и тыл, а также кровопролитная революция и смена режима – все это истерзало город и наполнило сердца его жителей страхом.

\* \* \*

Большевики, верша революцию, не гнушались кровопролития. Царь Николай II и его семья, первые лица огромной империи, были одними из тех жертв, чья гибель лучше всего демонстрировала жесткую цель нового режима. Всего через несколько недель после их расстрела в одной из газет, которую выпускали красные, появилось следующее объявление:

*Мы безжалостно уничтожим всех, кто окажет нам сопротивление.  
Пусть буржуазия утонет в собственной крови – такова наша месть за  
выстрелы в Ленина и Урицкого.*

Выступая на заседании партии в сентябре 1918 года, Григорий Зиновьев четко обозначил позицию новой власти:

*Мы должны увлечь за собой девяносто миллионов из ста, населяющих  
Советскую Россию. С остальными нельзя говорить – их надо уничтожить.*

Однако после того как большевики окончательно прибрали власть к рукам, убийства и преследования не прекратились, скорее наоборот – участились.

Лишив буржуазию и аристократов их богатств и титулов, Ленин представил коммунизм как систему равенства, свободы и счастья для народа, таким образом став символом для рабочего класса. Несмотря на это, все теперь жили в страхе и боялись друг друга. Не обязательно было быть врагом, чтобы попасть под горячую руку. Даже самые близкие друзья и родственники нередко писали доносы на членов своей семьи, лишь бы выслужиться перед системой.

Наряду с этим Ленин также продемонстрировал первый крупный пример жестокости самого коммунизма.

Помимо той части населения, что вынужденно подчинялась новому режиму, разочарование вскоре настигло и тех, кто считал эту систему эталоном всеобщего равенства и свободы. В местах, освобожденных от аристократов и буржуазии, расположились руководители Коммунистической партии и представители ВЧК – беспощадные, бесчувственные и амбициозные люди с неограниченными возможностями.

Многие просветители и интеллектуалы сравнивали новый режим с прежним, утверждая, что между коммунистами и царской властью нет никакой разницы.

Даже те, кто полагал, что царская эпоха была не чем иным, как тиранией и жестоким угнетением народа, и выступал на стороне коммунизма, спустя несколько лет начинали сомневаться в правильности своего решения. Радикалы, прежде утверждавшие, что кровопролитие необходимо для революции и неизбежно в ее процессе, разочаровывались в безжалостном деспотизме большевиков, которые никак не могли остановиться и жаждали все большей власти. Все те, кто прозрел, осознавали одно – царская Россия, впрочем, как и сама революция, сильно отличались от того образа, который создали большевики.

В царской России монархический строй означал то, что за царем всегда было последнее слово. Лишь небольшая группа людей имела влияние на политическую жизнь страны, а основу страны составляли крестьяне и рабочий класс. И стоило помнить о том, что во времена правления Николая II уже существовали профсоюзы, были провозглашены свобода прессы, мысли, собрания, и люди имели право на частную собственность.

Даже в самый критический для России момент, когда она воевала с немцами на одном фронте и с революционерами – на другом, газеты, публиковавшие карикатуры на царицу Александру и Распутина, не были закрыты.

Более того, власть с терпением относилась даже к таким заклятым врагам, как Ленин.

Российская экономика стабильно развивалась вплоть до начала Первой мировой войны, а с 1890 по 1913 год финансовая стабилизация и рост промышленности империи достигли невиданных высот и скоростей. Значительно выросла протяженность железнодорожных путей. В период между 1900-м и 1913 годами производство железа увеличилось на пятьдесят восемь процентов, а угля – вдвое. Русское зерно экспортировали в Европу.

Новый режим принудительно забирал у крестьян все выращенные ими продукты, что вкупе с неурожаем и последствиями Гражданской войны привело к разрушительному голоду. Сначала люди ели то, что находили вокруг, подъедали овощи, фрукты и оставшийся скот, а когда от них ничего не осталось, перешли на листья и траву. От отчаяния они кипятили кору деревьев и пили получившийся отвар. Спустя какое-то время исхудавшие и обессиленные люди начали есть кошек и собак. А потом – все, что могли поймать. Голод не оставлял места выбору, и в пищу шли крысы, тараканы, жуки. Люди страдали и до последнего держались за жизнь. Погибли миллионы. Трупы больше не были телами, которые требовалось оплакать и похоронить, они, как и все остальное, стали пищей. Поначалу голодавшие съедали тех, кто уже умер, но нередко вокруг свежих трупов начинались драки, и так наступила самая страшная стадия каннибализма – люди начали убивать друг друга только для того, чтобы поесть самим и прокормить семью. Голод вынудил сотни тысяч людей позабыть о человечности и пробудил в них животные инстинкты.

Большевики пришли к власти, чтобы ликвидировать буржуазию и вернуть рабочему классу свободу, право голоса и выбора. Но они также жестоко преследовали поверивших им людей, позабыв о патриотизме и сосредоточившись исключительно на силе и тотальном контроле.

С конца 1917 года, по решению Ленина, началась политика ликвидации частной собственности, и, как следствие, земли крестьян были национализированы, а урожай – изъят. Красноармейцы и представители ВЧК обходили деревни и под дулом пистолета заставляли крестьян, живших в очень тяжелых условиях, сдавать в общее пользование нажитое имущество и продукты питания. У каждого домохозяйства имелась своя квота, которую требовалось поставлять большевикам, и большинство по итогу продразверстки оставалось ни с чем. Некоторые пытались прятать пшеницу, чтобы не остаться без средств к существованию, однако такой поступок был сопряжен с огромным риском, ведь большевики не щадили «предателей» и жестоко их наказывали.

Инспектор, отправившийся в Сибирь для проверки, 14 февраля 1922 года описывал практику продразверстки в Омской области следующим образом:

Злоупотребления реквизиционных отрядов достигли невообразимого уровня. Практикуется систематически содержание арестованных крестьян в неотопливаемых амбарах, применяются порки, угрозы расстрелом. Не сдавших полностью налог гонят связанными и босиком по главной улице деревни и затем запирают в холодный амбар. Избивают женщин вплоть до потери ими сознания, опускают их нагишом в выдолбленные в снегу ямы.

Когда Ленин узнал о том, что крестьяне не могут поставлять продукты питания в должном объеме, он был очень недоволен. В конце концов жителей некоторых регионов, которые испытывали особенные трудности, настигла еще более суровая продразверстка, в рамках которой изымались даже посевные семена. Это означало одно – неминуемую гибель. Так и случилось. Голод в Поволжье 1921–1922 годов унес жизни более шести миллионов человек.

Когда о голоде узнала мировая общественность, западные страны тотчас выслали гуманитарную помощь и помогли немного сгладить масштабы катастрофы. Однако они узнали об этом слишком поздно, так как большевики запретили распространять информацию о голоде, пытаясь таким образом скрыть несостоятельность своей аграрной политики.

Миллионы несчастных людей бежали к ближайшему вокзалу в надежде добраться туда, где могли бы найти еду. Но беженцы не могли покинуть регионы – железнодорожные пути были заблокированы, ведь Москва до июля 1921 года отрицала существование катастрофы. Измученные голодом люди толпились на вокзалах в ожидании поездов, но поезда не приходили, и их настигала мучительная смерть.

Те, кто бывал в то время в районах бедствия, видели лишь обессиленных людей, лежавших дома и на дорогах, не в состоянии пошевелиться.

Ленина, казалось бы, не тревожили лишения, которые народ испытывал как следствие принятых им решений. Оглядываясь назад, становится очевидно, что его суровый непреклонный характер с годами не менялся, менялась лишь степень его власти, год за годом становившаяся все сильнее и обширнее.

До 1893 года молодой Владимир Ильич Ульянов-Ленин проживал в Самаре, центре одной из наиболее пострадавших от голода провинций. Как впоследствии вспоминал один из его знакомых, Ленин не стеснялся признавать, что, по его мнению, в голоде есть немало положительных сторон. Будущий вождь верил в то, что пролетариат может искоренить буржуазный строй. И если отсталая крестьянская экономика рухнет, то голод приблизит их к цели, к социализму, ведь он уничтожит не только прежние устои, но и веру в Бога...

Спустя тридцать лет повзрослевший Ленин поставит рядом с голодом еще одного врага – религию и православную церковь. Он считал, что голод нарушит преданность масс религии, сделает их невосприимчивыми, что поможет искоренить религиозные учреждения.

Кроме того, Ленин почитал Дарвина так же, как почитал Маркса и Энгельса. По его мнению, голод был необходим человеку для того, чтобы тот мог эволюционировать и развиваться, а чтобы утолить его, нужно пережить дикую, животную борьбу.

Ленин также крайне интересовался экспериментами академика Павлова и его лабораторными исследованиями. Вполне вероятно, что он рассматривал возможность научить людей условно-рефлекторным методам, что впоследствии поможет в распространении идеологии. Страдания, голод, смерть, пытки – все это казалось ему обычными переживаниями, которые животная натура человека должна пережить, чтобы завершить свое развитие.

Кто знает, к чему бы привело правление Ленина, затянься оно еще на несколько лет. Однако с 1922 года он начал постепенно сворачивать свою деятельность и уже с 1923 года почти не сходил с инвалидного кресла и страдал от сильных головных болей. В марте 1923 года его здоровье ухудшилось еще сильнее, и он потерял способность четко говорить. Свидетели сообщают, что в последние месяцы жизни Ленин выглядел ужасно и казался наполовину сумасшедшим.

Когда 21 января 1924 года Ленин наконец скончался от кровоизлияния в мозг, большевики приняли решение мумифицировать его тело. Тело впоследствии поместили в мемориальную могилу, по сей день находящуюся на Красной площади в Москве. Многие из тех, кто выстраивался в очередь в Мавзолей, пришли туда из любопытства – они хотели посмотреть на то, что осталось от человека, обрушившего на их головы голод, смерть и революцию. Они могли верить в режим, а могли и порицать его, но, когда они заходили в помещение, на лице каждого из них был нескрываемый страх.

\* \* \*

Екатерина Николаевна уже взяла в руки сумку и пальто и только собиралась выйти из комнаты, как услышала слабый звук, доносившийся из постели.

– Ма-а-а-а-ма, п-а-а-а-па! – бредила, рыдая во сне, маленькая девочка.

Женщина тут же бросила вещи на пол и побежала к внучке.

– Тихо, Катюша, тихо! – Она села рядом и погладила девочку по голове. – Бабушка рядом, я здесь.

Катя открыла глаза, но не успокоилась. Ей все еще было грустно и страшно. Екатерина Николаевна наклонилась к ней и приобняла внучку, заботливо поглаживая ее по спине.

– Скоро, моя дорогая, скоро мы увидимся с мамой и папой... Скоро мы снова станем большой счастливой семьей... – прошептала она ей на ухо.

Екатерина Николаевна украдкой обвела взглядом стены, потолок, двери. Казалось, будто она искала кого-то, кто наблюдал за ними, подслушивал. Катя успокоилась и снова погрузилась в глубокий сон. Екатерина Николаевна знала, что ее внучка еще не раз увидит кошмары и проснется в слезах посреди ночи, – она не могла исцелить тоску девочки по матери и отцу, так же как не могла исцелить собственную тоску по детям. С грустью она погладила Катю по волосам и подоткнула ее одеяло. Она хотела встать и выйти из комнаты, но что-то словно удерживало ее. Женщина продолжала смотреть на внучку – на невинном лице восьмилетней девочки отчетливо проступали следы боли, ведомой разве что взрослому человеку. Екатерина Николаевна подумала о своих детях в том же возрасте... Они теперь далеко от нее, все до единого... Паня, Коля, Вова, Тина, Шура... Только Нина осталась рядом. А ведь они все родились в безопасном мире и любящей семье, и у каждого из них было счастливое детство. Раньше всего этой идиллии лишилась младшая, Шурочка. Когда ужас и жестокость достигли порога их дома, все дети от первого брака уже повзрослели, а когда им пришлось покинуть родные места, Пане исполнилось тридцать четыре, Коле – двадцать девять, а Вове – двадцать пять. Шура сбежала от коммунистической угрозы в семнадцать, Тина – ближе к двадцати. Но для матери, сколько бы лет им ни было, они все еще оставались детьми. Даже когда сыновья и дочери выросли, для нее они оставались маленькими, держались за руки, сидели у нее на коленях и пели песни. Да, возможно, любая мать относится к своим детям точно так же, однако для Екатерины Николаевны дети, независимо от возраста и внешнего вида, всегда застыли там, в далеком счастливом времени, когда никто из них не знал ни горести, ни бед. Если мечты о скорой встрече так и останутся мечтами, то каждый из них останется в ее памяти в том облике, в каком они расстались. А если однажды у нее появится шанс встретиться с ними, то она не знала, к кому из детей отправилась бы сначала. Екатерина Николаевна понимала, что из коммунистической России, отгородившейся от остального мира, уже невозможно выбраться, но она цеплялась за мечты, чтобы жить, чтобы терпеть все невзгоды и поддерживать Нину и Катю. Увы, но даже мечтами она не могла насладиться в полной мере. Сумей она выехать за границу, к кому из детей поехала бы в первую очередь? Паня жил в Германии, с семьей жены. Когда его брату Николаю и его супруге пришлось бежать из Кисловодска в очень непростых, опасных условиях, то их единственного ребенка, которому тогда было еще три года, Катю, оставили бабушке. Трехлетняя

девочка осталась с бабушкой, вдовой пятидесяти лет, так как родители полагали, что вдали от большевистских погромов она будет в безопасности. Конечно, расставание далось им нелегко. Разве оно может быть легким? Прощаясь с детьми, Екатерина Николаевна оставляла с каждым из них частичку своего сердца и своей души – будто чувствовала, что никогда больше не увидится с ними. И пока она вновь не обнимет сыновей и дочерей, душа и сердце не обретут покоя. Она даже думать не хотела о том, что за последние годы новая жизнь забрала у нее и тех близких, что остались с ней. Что бы они ни пережили, это их правда, их реальность, и у них нет сил что-либо изменить. Женщина понимала: у них нет выбора, и нужно сдаться, подчиниться, продолжить жить так, как велит система. Если бы она была одна, то, возможно, попыталась бы найти своих детей. Скорее всего, ее убьют по дороге или сошлют в ссылку, но тогда она хотя бы умрет с осознанием того, что попыталась найти тех, кого когда-то потеряла.

Провожая Тиночку на поезд до Екатеринодара, она сказала дочери, что, несмотря на все мольбы, не хочет покидать родной дом, в котором прожила с мужем столько счастливых лет, родила и воспитала ее и Шурочку, и надеется встретить смерть именно там. Но теперь... много лет прошло, и по мере того как усиливалась ее тоска по детям, Екатерина Николаевна понимала – ее безмерно терзают и мучают воспоминания. Она помнила их лица, их смех, их объятия и осознавала – вот он, истинный смысл ее жизни. Да, быть со своими детьми куда важнее, нежели защищать дом, в котором они росли. Тот дом она защитить не смогла. Ни дом, ни то, что в нем находилось. Теперь она была очень далеко от дома, который хранил в себе столько воспоминаний и который в пух и прах разорили большевики. Ее изгнали из ее дома, из ее воспоминаний. Все, что она успела взять с собой, – несколько фотографий и пару памятных вещиц, спрятанных в маленькой сумочке. С ней только старшая дочь Нина да внучка Катя. Больше из прошлого у нее не осталось ничего. Слава богу, когда уезжали Тина и Шура, они увезли с собой несколько семейных альбомов и пару безделушек. Теперь самой большой ценностью для нее были дочь и внучка – единственное, что осталось у нее после долгих изматывающих лет вдали от дома. И только ради них она была готова бороться за жизнь.

Хотя Нине уже исполнилось тридцать два, она плохо справлялась с жизненными трудностями. Старшая дочь Екатерины Николаевны была хорошенькой, как ангелочек, очень спокойной, чувствительной и наивной. Тонкая душевная натура не позволяла ей устроиться на черную работу, однако она помогала матери по дому и присматривала за маленькой Катюшей.

Катя росла единственным ребенком в аристократической семье, и ее воспитывали в ненависти к коммунизму, называя его врагом царской России. Екатерина Николаевна переживала за внучку гораздо сильнее, чем за дочь. Вообще, ее поражало то, что система оставила их в покое. Маленьких детей «врагов режима», буржуазии и аристократов, часто отдавали в приюты, ведь их родителей либо убивали, либо арестовывали. Возможно, будь дома кто-то из мужчин, когда к ним явились большевики, Катю постигла бы та же участь. Однако вдовство Екатерины Николаевны, жившей с дочерью и внучкой, являлось самым большим ее преимуществом. Именно благодаря этому они все еще оставались в живых. Однако благородная фамилия и пребывание почти всех детей за границей делали ее мишенью для пристального наблюдения властей. Женщина не знала, что случилось с ее детьми. Разумеется, у нее на примете были люди, которым можно было написать и спросить, но она понимала, насколько это опасно. Каждый шаг, который она могла предпринять для того, чтобы найти детей, и любая попытка выйти с ними на связь ставили под угрозу их всех. Не проходило и дня, чтобы кого-нибудь из знакомых или даже случайных прохожих не забирали из дома, с работы, с улицы. Большинство из них исчезало бесследно. Коммунизм неустанно наказывал женщин, мужчин, молодых и стариков за любое неосторожно брошенное слово. Екатерина Николаевна, как и все остальные, жила в постоянном страхе. Именно поэтому она не пыталась исправить то, чему учили Катю в школе, не пыталась рассказать ей правду, а лишь молчала, едва сдерживая слезы. Но сейчас они хотя бы жили в Петербурге (им до сих пор сложно давалось новое имя города – Петроград), в полу-

тора комнатах большой квартиры. Половина их жизни проходила в очередях: они больше не могли питаться и одеваться так, как привыкли. Пытки, изгнание, тюрьма и смерть пугали их, и в этом страхе они считали каждый день подарком от коммунизма. Екатерина Николаевна ненавидела это чувство, но ей приходилось жить с ним.

Убедившись в том, что внучка заснула крепким сном, она медленно встала с кровати, взяла свои вещи и вышла к Нине.

– Пригляди за Катей, мне пора. – Она поцеловала дочь в щеку. – Кажется, у нее будет тяжелый день. Она снова видела во сне родителей.

Нина ласково взяла мать за руку и улыбнулась ей.

– Не волнуйся, мамочка, я уже иду к ней.

– До свидания, дорогая. Я опаздываю. Не будем утруждать Дарью Ивановну.

– Дарья Ивановна... – съязвила Нина. – В стране больше нет императора, а она все еще считает себя принцессой.

Мать наскоро поцеловала руку Нины и жестом повелела ей замолчать. Впрочем, слова дочери и вправду показались ей смешными.

Когда Нина вошла в комнату, где спала ее племянница, Екатерина Николаевна направилась к выходу. Проходя мимо одной из комнат, она, едва сдерживая отвращение, поздоровалась с толстой угрюмой женщиной, стоявшей у двери. Она старалась избегать встреч не только с ней. В красивых домах Санкт-Петербурга теперь обитали такие же наглые и грубые люди, как эта женщина. Хозяйка дома, Дарья Ивановна, после долгих убеждений и немалых вложений смогла оставить себе спальню и кабинет как личное жилое помещение, а остальные комнаты, как и все остальные домовладельцы, была вынуждена отдать в пользование новоявленным «товарищам».

Дарья Ивановна, происходившая из очень богатой аристократической семьи, на самом деле была старой подругой Екатерины Николаевны. Когда после революции она поняла, что ей придется разделить свой дом неизвестно с кем, то подумала, не удовлетворит ли коммунистов кандидатура вдовы Верженской, чью усадьбу и земли те конфисковали. По крайней мере, возможность жить под одной крышей с такой же аристократкой, как она, прельщала ее больше, нежели перспектива наблюдать за тем, как стадо грубых рабочих разрушает ее дом. Но план не совсем удался. Так как новая система посчитала целесообразным разместить целую семью в полутора комнатах, остальные помещения были распределены по усмотрению большевиков, и Дарье Ивановне пришлось смириться с новыми обитателями. Поначалу ей казалось, что рабочих вселили лишь на время, но она ошибалась. Постояльцы несли ответственность за нанесенный ее имуществу ущерб, однако она закрывала глаза на то, как жильцы портили вещи, которые она коллекционировала годами, лишь бы те не донесли о ее жалобах партии. Дарья Ивановна знала, как ее, «грязное отродье аристократии», презирают рабочие, и находила утешение в компании единственного человека, разделявшего ее чувства. Этим человеком была ее давняя подруга.

Всегда заботливая и терпеливая, Екатерина Николаевна испытывала огромное неудобство оттого, что ей приходится ютиться в доме своей подруги, которая столько раз гостила у нее в Кисловодске и ела за ее столом. Стесненное положение ее семьи расстраивало женщину, задевало ее гордость. Но доброе сердце не позволяло ей сердиться на хозяйку квартиры.

Когда она вышла из квартиры и начала спускаться по лестнице, то уже не думала об избалованной и капризной Дарье Ивановне. Теперь ее беспокоило, успеет ли она отстоять очередь за керосином и сколько ей придется мерзнуть под снегом? А потом, когда Екатерина Николаевна доберется до пункта назначения, у нее будет достаточно времени для того, чтобы подумать о своих печалях и о своих детях, по которым она так тосковала. Несмотря на болевшие от ревматизма ноги, она гордо подняла голову и ускорила шаг.

## Глава шестая. Курт Сеит

*В те же дни, Стамбул*

Сеит вновь метался меж двух огней. Он приехал в Турцию семь лет назад, но все еще оставался гражданином России. Если он выбирал Стамбул, то должен был получить турецкое гражданство, но тогда закроется их путь в Америку через общество помощи русским эмигрантам «Легинатс». Ограничив траты, он скопил сто двадцать лир, необходимые для вступительного взноса. Собирая деньги, необходимые для выполнения этого плана, он очень старался, чтобы его семья – дочь и жена Мурка – ни в чем не нуждались и продолжали жить в привычном комфорте.

Именно благодаря «Легинатсу» Сеит вновь обрел душевное равновесие после того, как разозлился на своего партнера Йорго и ушел из их ресторана в Джаддебостане. Именно тогда он арендовал место на улице Арабаджи и открыл там новое заведение. Старые клиенты с удовольствием перешли туда, и этот бизнес приносил хорошие деньги.

Сегодня утром, когда Сеит внес деньги в фонд общества «Легинатс» и внес свою семью в список переселенцев, у него вдруг возникло ощущение, будто он восстановил утраченную свободу. Годами он переживал то взлеты, то падения, и необходимость начинать все заново давила на него, ограничивая свободу. Но теперь у них, по крайней мере, появилось место в очереди надежды. Никто не знал, когда подойдет их очередь эмигрировать, – иногда процесс длится месяцами. Сеит планировал продолжить управлять рестораном, пока новая страна не будет готова принять их. Впрочем, недавно он нашел человека, которому передаст дела перед отъездом, а на вырученные от продажи деньги они какое-то время будут жить в Америке. Интересно, какую работу он сможет там найти? Возможно, ему снова придется заниматься стиркой. Товарищи-белогвардейцы, уехавшие раньше, писали ему, что устроились таксистами и служащими в гостиницах, а те, кому повезло больше, попали техническими работниками в оперу или театр. Кто-то работал в частных клубах, преподавая фехтование или теннис. Никто из них не зарабатывал на хлеб, работая по профессии, – как и по приезде в Стамбул. Но это было неважно. Здесь, в Турции, Сеит преуспел, остался на плаву и наладил комфортную жизнь. Комфорт для него заключался не только в материальном достатке, но и в духовном, ведь в Стамбуле он близок к своей культуре. Если он добился успеха здесь, то добьется его и в Америке: может быть, даже преуспеет еще лучше. Возможно, он снова откроет небольшой ресторан и начнет угощать американцев русской и крымско-татарской кухней. Если все пойдет хорошо, то ресторан дорастет до ночного клуба.

Теперь главным стало подготовить Мурку к большим переменам.

В отличие от Шуры Мурка придерживалась привычного уклада жизни даже в самых тяжелых обстоятельствах. Любые тяготы она переносила кротко, с терпением, присущим далеко не каждой женщине. Окруженная знакомыми вещами, местами и людьми, она чувствовала себя в безопасности, а перемены ее пугали и заставляли нервничать. Сеит хорошо знал свою жену и понимал, что его заявление в «Легинатс» – игра в рулетку, однако он не простил бы себе, если бы не попытался. Может, он зря волнуется. Может, Мурка встретит его известие с радостным волнением.

Сеит знал, что больше всего Мурка завидует храброму умению Шуры стать частью жизни своего мужчины и отправиться с ним в дорогу.

Уверенность Шуры в себе и упорство Сеита внушали Мурке, что она никогда не сможет заменить собой эту отважную женщину. Возможно, эмиграция в Америку даст ей возможность проявить собственную храбрость, к чему она всегда стремилась, но пока тщетно. Шура оставила свою Родину, свою семью и свое прошлое для того, чтобы быть с Сеитом, она сумела

скрыться от пуль большевиков и, осев в оккупированной Турции, не зная ни языка, ни культуры, отказаться от жизни аристократки, хватаясь за любую работу. И она никогда не жаловалась на свою долю. Кто знает, быть может, Мурка, помня обо всем этом, все же рискнет отправиться в Америку.

Эти мысли обнадежили Сеита. На мгновение он представил себе, как крепко обнимет его жена, когда узнает радостную весть. Его сердце взволнованно забилося, и он поспешил домой. Он должен как можно скорее передать весть жене.

\* \* \*

Мюрвет давно не видела мужа дома так рано. Обычно Сеит приходил среди ночи, под утро, или спал в ресторане и возвращался на следующий день. Распахнув дверь, молодая женщина с облегчением увидела счастливое лицо Сеита – значит, за ранним возвращением скрываются хорошие новости.

Сеит, войдя в помещение, как обычно, поцеловал жену и обнял маленькую Леманушку. Несмотря на то что девочка еще не научилась говорить, отец играл и разговаривал с ней. Пока Мурка укладывала дочь спать, Сеит принял ванну. Когда он переоделся в уютную домашнюю одежду, его жена уже уложила Леман и накрыла на стол. Сеит смотрел на ожидавшую его рюмочку раки и дожидался ужина, чтобы сделать сюрприз. Было заметно, что он сгорает от нетерпения. Мюрвет с улыбкой посмотрела на своего мужа.

– Твое здоровье, Мурка! – сказал Сеит под радостный перезвон рюмок.

– Приятного аппетита, Сеит! – отозвалась жена.

Сеит отпил раки и отставил рюмку. Мужчина протянул руку через стол и нежно накрыл своей ладонью ладонь жены.

– Моя дорогая Мурка, угадай, что за новости я принес, – сказал он, с любопытством заглядывая ей в глаза и лукаво улыбаясь.

– Откуда мне знать, Сеит? Надеюсь, что хорошие. – Мюрвет покачала головой.

– Ты во всем ищешь либо хорошее, либо плохое, так ведь, моя овечка? Ну же, попробуй угадать! Что за сюрприз я подготовил?

Мурка понятия не имела, что так взволновало ее мужа, – его внутренний мир до сих пор оставался для нее загадкой.

– Я не знаю. Скажи сам.

– Ну, тогда внимание – только не падай в обморок! Я внес нас в списки «Легинатса».

Мюрвет вопросительно посмотрела на него.

– Я ведь уже говорил об этом, – продолжил Сеит. – Они помогают переехать в Америку. Это законно. Все, что от нас требуется, – помолиться о том, чтобы ответ пришел как можно скорее.

Мурка почувствовала, как земля уходит у нее из-под ног. Ей казалось, будто кровь мгновенно отхлынула от лица и ушла куда-то в пятки. Ладони стали холодными как лед, а на глаза навернулись слезы.

– В Америку? – пробормотала она. – Нам?

Когда Сеит приближался к дому, он понимал, что внушил себе ложные надежды, – его первые опасения были вполне реальны. Однако он не хотел сдаваться так просто. Он подумал, что жена, должно быть, решила, что им придется расстаться, и расстроилась из-за этого.

– Конечно, – попытался он ее успокоить. – Мы поедем все вместе. Ты, я, Леманушка. Я внес деньги за нас троих. Никто нас не разлучит. Никто. Мы одна семья.

Мюрвет залилась слезами. Сеит поднялся с места и обнял жену за плечи.

– Что случилось, Мурка? Почему ты плачешь? Я не понимаю. Это от волнения или ты испугалась, что я тебя брошу?

– Я не хочу уезжать в Америку, – сквозь слезы ответила она. – Никогда не хотела. Неужели ты не устал от переездов, Сеит? Мы оба дети эмигрантов. Пусть хотя бы у нашей дочери будет Родина, будет место, которому она сможет принадлежать.

Сеит понял, что ситуация оказалась тяжелее, чем он предполагал, и подтянул стул к жене. Он обхватил ее лицо ладонями и заставил посмотреть на себя.

– Мурка, послушай меня. Пожалуйста, перестань плакать! Успокойся и выслушай меня. Послушай, здесь я не могу выстроить свою жизнь так, как мне хочется. Все слишком отличается от места, в котором я вырос. Я все еще чувствую себя чужаком. Знала бы ты, как долго я мечтал об этом, мечтал уехать в Америку или...

Сеит хотел было сказать «во Францию», но вовремя умолк – жена могла догадаться о связи этой страны с Шурой.

– Я верю, что в Америке нас ждет лучшая жизнь, – продолжил он. – В этой стране созданы все условия для тех, кто любит трудиться. Турция только-только оправилась от огромного потрясения. Здесь тяжело жить и мало возможностей. Никто из моих друзей, переехавших в Америку, не пожалел об этом. Моя ответственность за тебя и нашу дочь и желание обеспечить вас безопасностью и комфортом без перерыва твердят мне о том, что я сделал правильный выбор. Нам суждено отправиться в это путешествие вместе – с тобой и нашей дочерью.

Несмотря на то что муж не сказал этого напрямую, Мюрвет подозревала, что Сеит затеял это путешествие еще с Шурой.

– Ты ведь веришь в судьбу, – продолжал он. – Смотри, это наша с тобой судьба. Нам суждено вместе ехать в Америку.

Сеит подумал, что Мюрвет, должно быть, вновь думает о Шуре. Он понял, что ему необходимо отвлечь женщину, чтобы помочь ей сосредоточиться на разговоре.

– Иначе я найду способ отправиться туда одному.

Трюк сработал. Мюрвет поморгала. Казалось, она больше не думала о Шуре.

– Я хочу, чтобы ты меня поддержала, Мурка, – сказал Сеит. – Мы вместе, разве это не главное? Нас уже никто не разлучит. Тебя, меня и нашу дочь.

Ах, как хотелось Мурке обнять мужа и воскликнуть: «Сеит, я так счастлива! Как здорово ты придумал! Я поеду с тобой на край света». Впрочем, она бы не солгала, если бы решилась произнести эти слова. Ее муж и правда планировал поехать на другой конец света, и для нее это было потрясающей возможностью доказать ему свою любовь, доверие и храбрость. Как и Шура, она могла последовать за любимым мужчиной и начать совершенно новую жизнь в другой стране, среди других людей. Они могли бы жить в Америке – месте, о котором она с любопытством читала и которое видела в фильмах. Но тут она вспомнила о своей семье – матери и братьях, о которых заботилась с самого детства.

– Я не могу оставить свою семью... – снова заплакала она. – Не могу оставить мать и братьев...

Сеит вспомнил о своей теще Эмине, сильной и строгой женщине, занимавшей важное место в жизни его жены. О ней он как-то позабыл. Она тоже наверняка не захочет расставаться с дочерью. Но в конце концов выбор остается за Мюрвет.

– Мурка, – возразил он, – люди не могут всегда жить со своими родителями. Ты уже сделала выбор, когда вышла за меня. У нас родился ребенок, и теперь мы отдельная семья. Наша жизнь – только наше дело. Только мы несем ответственность за наши страдания и наше счастье. И мы в ответе за решения, которые мы принимаем.

– Но я не хочу уезжать отсюда. Я не смогу жить в чужой стране среди чужих людей.

– Америка открыта для людей со всего мира, моя дорогая Мурка. Там много таких людей, как мы, которые эмигрировали из своей страны, бежали или просто искали приключений... Слушай, ведь все мои друзья уехали туда. Они бы вернулись, если бы были недовольны.

– Я их не знаю. Моя мать здесь, мои братья. Я их не брошу.

Упрямство Мюрвет поумерило пыл Сеита. Он отступил и откинулся на стуле. Взяв одной рукой рюмку раки, он посмотрел на жену, не зная, стоит ему сейчас жалеть ее или же разозлиться. Да, Мурка плакала, но гораздо важнее было то, что она чувствовала. Женщина, с которой он пытался говорить как с женой, заставила его осознать, что они находятся по разную сторону баррикад. Неужели он напрасно пытался сохранить симпатию к этой маленькой женщине, на которой женился, обещая себе любить только ее? Почему она не могла встать на его сторону в этот важный день и предпочла ему мать и братьев?

– Хорошо, ты не можешь оставить мать... – медленно произнес он, отпив раки. – А меня ты оставить можешь?

Мюрвет запаниковала. Она не ожидала такого вопроса. Ей было страшно подумать о том, что Сеит может ее бросить. Она снова начала плакать.

– Сеит, почему ты так поступаешь? Почему я должна снова выбирать между вами?

Мужчина с удивлением подумал, что недавно сам задавал себе такой же вопрос. Да, вопросы были одинаковыми, однако каждый из них искал разные ответы.

– Пожалуйста, давай останемся здесь все вместе, – предложила Мюрвет.

Едва закончив фразу, она спрятала лицо в ладонях и громко зарыдала. Она чувствовала, что почти потеряла Сеита. Мурка не могла представить себе жизни без него, но в то же время не обладала достаточным мужеством, чтобы согласиться с выбором мужа и последовать за ним.

Сеит вышел из-за стола, ничего не сказав. Он зажег сигарету и подошел к окну. Его мечты были разрушены. Он ведь с таким упорством копил деньги, не спал ночами, забывая об усталости, и все ради этой мечты... Мечты, которую разрушил женский каприз. Мог ли он отпустить эту женщину, сидевшую за столом и рыдавшую как ребенок? А дочь, спокойно спавшую в своей кровати? Он резко встал и вышел из комнаты, направившись к Леман.

Маленькая Леманушка спала, обхватив руками подушку. Когда Сеит наклонился к ней и погладил по щеке, девочка вздрогнула. Он взял ее маленькую ладошку и поцеловал ее. От ребенка приятно пахло, так пахнет детство – мылом, порошком и теплой чистотой. Наблюдая за спящей дочерью, Сеит понимал, что сердце его наполнено чувством, которое он познал лишь недавно. Разве мог он оставить его? Разве он уже однажды не отказался от семьи ради новой жизни? Разве не потерял любовь? Ничто из потерянного к нему так и не вернулось. Нет, он бы не смог оставить ни Мурку, ни Леманушку. Он останется там, где они обе будут счастливы. Он вышел из комнаты, плотно закрыв дверь, и вернулся к жене.

Мюрвет все еще плакала. Сеит легонько приобнял ее за плечи и сказал:

– Ну-ну, хватит, не плачь. Мы не поедем в Америку.

Больше он ничего не сказал. Сеит взял пиджак и направился к входной двери. В нем все еще теплилась крошечная надежда – он ждал, что Мурка поспешит за ним и скажет, что поедет туда, куда он хочет. Но этого не случилось. Такова их печальная судьба. Они никуда не поедут. Не оставят Турцию. Он взял сигарету и вышел из дома.

Когда он дошел до Тепебаши, то почувствовал себя полностью опустошенным – его мечты рухнули, и Сеиту было очень одиноко. Рухнули не только его мечты об Америке, его разочаровала и обидела реакция жены, ведь он надеялся, что та поддержит его. Он еще раз убедился в том, что они принадлежат к разным мирам. Это убивало его больше всего.

Сеит сидел в баре «Ориент», находившемся в отеле «Пера Палас». Он просто хотел выпить и подумать. Этим вечером у него не было ни кровати, в которой он мог вдовольно выспаться, ни живой души, способной спасти его от одиночества... он был совсем один.

Он принял рюмку водки от бармена с таким видом, будто бы искал лекарство от боли. За первой рюмкой последовала вторая, затем третья...

В бар вошла миловидная блондинка, напомнившая ему Шуру. Как бы она радовалась поездке в Америку, его дорогая Шура! Они бы отпраздновали вместе: пели, танцевали, а затем

часами занимались любовью как сумасшедшие. Возможно, их немного огорчила бы необходимость столько всего оставить позади, но они все равно наслаждались бы приятными хлопотами от предстоящего приключения. Но со временем его тоска по Шуре больше напоминала не любовь к женщине, а ностальгию по прошлому – по родной земле, на которую он никогда не ступит, по отцовскому дому, семье, по минувшим добрым годам. Сеит чувствовал себя так, будто падал в пустоту. Она поглощала его, всецело захватывая его жизнь, а он все боролся, то, казалось бы, побеждая, то погружаясь еще сильнее.

## Глава седьмая. Гость из прошлого

*Канун Нового года, Париж*

Проводя пальцами по старым фотографиям с изображениями Алушты, Синопа, Стамбула и дома отца в Кисловодске, Шура думала лишь об одном: она впервые встречает Новый год в Париже. Интересно, где она встретит следующий? Или других городов не будет? Будет ли Париж последней остановкой ее долгого путешествия? Она не знала. Знала только, что думала то же самое о Стамбуле, но ошибалась. Однако она была уверена: что бы ни принесла ей судьба, она впредь будет осторожнее, чтобы больше не жить в тоске по прошлому и не переживать эту боль заново. Париж пробудет в ее жизни столько, сколько потребуется, и столько, сколько она сама захочет. Городов, стран, километров, которые она оставила за спиной, становилось все больше и больше. Шура больше не могла скучать, оживляя воспоминания, постоянно перебирая в памяти прошлое и сравнивая его с будущим. Такая жизнь не приносила ей ничего, кроме тяжести, лежавшей на хрупких плечах. Нерешительность лишь отнимает ее время и силы.

Внезапно ее осенило. Теперь она видела решение, понимала его так ясно, как никогда раньше, – безвыходность больше не будет погружать ее в пучину бездействия, теперь она выберет путь, который подарит ей покой. Это решение вновь означало разлуку, отчуждение, новые печали, но все это лучше, чем ничего. Она приняла решение... Она порвет с Аленом.

С тех пор как она оставила в Стамбуле свою большую любовь, ей все казалось, будто жизнь утекает из-под ее контроля, и это противоречило ее характеру. Шура больше не хотела терпеть терзания другого мужчины, который предпочел ее своей жене. Не так она себе представляла свою личную жизнь. Она и без того отказалась от многого, и теперь ей хотелось просто наслаждаться любовью в своем тихом спокойном мирке, своей нише. Пока она остается с Аленом, над ней всегда будет угрожающе нависать тень другой женщины, даже если они все же поженятся.

Раздумывая над этим, Шура поняла, что на самом деле давно приняла решение расстаться с Аленом, и сейчас всего лишь призналась себе в этом. Впервые за долгое время в душе ее воцарился покой. Женщину охватила странная радость. Это облегчение удивило ее. Однако оставалась тяжелая половина задачи – убедить любящего ее мужчину в том, что так будет лучше для них обоих, и не разбить ему сердце. Она ведь так хорошо знала, что такое тяжесть разлуки, и ей не хотелось, чтобы Ален тоже ощутил ее. Тем не менее решение расстаться казалось ей верным, как никогда. Пусть в будущем им будет тяжело и горестно, лучше прекратить эти отношения сейчас, пока еще не поздно.

От мыслей ее отвлек звонок в дверь. Шура быстрым шагом направилась в прихожую. Хотя она не знала, кто стоит за дверью, ей было чрезвычайно интересно повидаться с гостем. И когда она с любопытством приоткрыла дверь, то не смогла сдержать искреннего удивления:

– Люсия!

– Шура!

Женщины крепко обнялись. Шура схватила гостью за руку и пригласила войти.

– Когда ты вернулась?

– Три дня назад, но я только пришла в себя!

– Иди сюда, дорогая, проходи. Дай-ка я посмотрю на тебя. Боже, ты ослепительна!

– Спасибо, милая, но ты же знаешь – я всегда остаюсь в твоей тени.

Люсия и правда не была и наполовину такой красавицей, как Шура, но все в ней – поступь, макияж и стиль – выдавало сильную, волевою женщину, уверенную в себе. В этом ей помогали не только норковая шуба и шелковые платья: она преподносила себя так, будто обладала конкретным местом в конкретной точке пространства.

– Дай полюбуюсь тобой, – ворковала Шура, оглядывая подругу. – Как же я скучала по тебе, Люсия! Проходи-проходи, располагайся. Расскажи, как тебе Нью-Йорк?

– Нью-Йорк был великолепен, дорогая! Ты бы видела невозмутимость Каппы. Его обожают все – и русские, и американцы. – Лукаво поморгав, она продолжила: – Знаешь, в нем есть дьявольский шарм.

– А как бы еще он тебя очаровал? – улыбнулась Шура.

Они уселись в кресла. Люсия показала на фотоальбомы, лежавшие на журнальном столике, и спросила:

– Освежаешь воспоминания?

– Да, – грустно улыбнувшись, ответила Шура.

По ее лицу пробежала тень.

– Знаешь, дорогая, – она посмотрела на фотографии, которые разглядывала с раннего утра, – не могу поверить, что прошло столько лет.

– И я. Все было как будто вчера.

– Именно, – с горькой улыбкой сказала Шура. – Иногда прошлое кажется мне настолько близким, будто я только заснула, а проснувшись, поняла, что все, что у меня было, исчезло. А потом, когда я пытаюсь оживить какие-то воспоминания, понимаю, что некоторые голоса и цвета покинули меня. Я пытаюсь заставить себя вспомнить, но это лишь причиняет боль. Мне кажется, я прожила жизнь не по праву и поэтому забываю подробности. Мне кажется, будто я несправедлива сама к себе.

– Не думай так, дорогая. Некоторые из нас просто хотят забыть то, что причиняет нам боль. Предпочитают стирать моменты, которые ничего не добавят в нашу дальнейшую жизнь. Бессмысленно винить себя в этом.

Шура внезапно вскочила на ноги, словно вспомнив что-то.

– Прости меня, – сказала она. – Я совсем забыла предложить тебе выпить. Будешь что-нибудь?

Люсия тоже встала.

– Ты что, не нужно. Одевайся, ходим куда-нибудь. Мы должны отпраздновать нашу встречу.

– Но ты только пришла!

– Я пришла за тобой. А теперь мы идем в ресторан. Или у тебя другие планы?

– Нет, только...

«Ален ушел к своей жене», – чуть не сказала она, но вовремя сдержалась. Она не хотела лишать себя удовольствия от встречи с Люсией и снова остаться в одиночестве. Вспомнив об Алене, она вновь похвалила себя за решение расстаться с ним.

– Нет, планов у меня не было, – продолжила она. – Но разве здесь нам не будет удобнее? В холодильнике есть шампанское.

– Ты права, – согласилась Люсия. – Что-то я слишком раздухарилась. Давай останемся здесь. К тому же лучше скрыть наши разговоры от чужих ушей. – Она улыбнулась. – Сама знаешь, в парижских ресторанах это невозможно.

Когда они рука об руку отправились на кухню, Шура заметила, как Люсия любит блестящим обручальным кольцом, красовавшимся на ее пальце. Шура вспомнила, что подруга детства очень любит дорогие побрякушки. Что ж, похоже, ее брак с Каппой Давидовым только усилил эту любовь.

Пока Люсия, удобно устроившись на табурете, попивала из хрустального бокала шампанское и рассказывала о своей поездке, Шура не могла не думать о принятом ранее решении. Люсия, время от времени игравшая с элегантною рубиновой серьгой в ухе, казалось бы, не замечала, что подруга погружена в свои мысли.

– Тебе бы очень понравилось в Нью-Йорке, Шура. Там нет ничего общего с классической красотой и культурой Парижа. И на Кисловодск совсем не похож... Но в нем есть свой шарм. Это город, полный жизни. Возможно, если бы я была простым туристом, то думала бы иначе. Интеллектуальные и богатые друзья делают Нью-Йорк более привлекательным.

Шура с улыбкой на губах слушала хвастливые речи Люсии и поражалась тому, что, несмотря на абсолютно разные привычки, они все еще остаются подругами. Впрочем, озвучивать эту мысль она не стала.

– Каппа – идеальный для тебя муж, Люсия.

Люсия на мгновение умолкла. Похоже, она о чем-то задумалась, будто еще не окончательно определила свое отношение к мужу. Она так и не решилась сказать, что у нее на уме.

– Мы с ним не особо схожи во взглядах, но все же... – ответила Люсия.

Она остановилась и поджала губы, словно не могла найти слов для того, чтобы описать свою ситуацию. Люсия взяла в руки поднос, на котором стояли приготовленные Шурой напитки, и направилась в гостиную. Шура учтиво не перебивала подругу, не хотела вмешиваться не в свое дело. Но после того как они вновь наполнили бокалы шампанским и сделали по глотку, Люсия продолжила:

– Да, мы с Каппой не особо схожи во взглядах... – горько улыбнувшись, повторила она и сделала еще глоток. – Кроме взглядов на белогвардейцев. Лучшее, что может быть в браке с ним, – это возможность быть рядом с этими замечательными людьми. Угадай, с кем я столкнулась в Нью-Йорке на этот раз?

– С кем? – заинтересовалась Шура.

С тех пор как они бежали из России, не проходило и дня, чтобы они не узнали, что близкий или далекий знакомый живет либо где-то поблизости, во Франции, либо на другом конце света.

– Помнишь Соню? Соню Финкельштейн?

– Кажется, да. По-моему, мы встречались в Москве, когда я ездила к отцу.

Пока Шура пыталась вспомнить, о ком идет речь, Люсия со смехом добавила:

– Ты обязательно вспомнишь. Ее отца называли «селедочным бароном».

– Теперь припоминаю, – кивнула Шура. – Как уж не вспомнить такого барона, – улыбнулась она.

– Ну, если бы ты по приказу императора Николая заведовала всей рыбной ловлей, тебя бы тоже так называли. Но они покинули Россию еще до революции. Хотела бы я поступить так же.

– Они все родом из другой страны, им было куда ехать. А нашей Родиной всегда была и будет Россия.

– Согласна. Поэтому мы покинули ее не с богатствами, а с одним чемоданом.

Шура, которую только сегодня утром наконец-то начали отпускать болезненные воспоминания о прошлом в России, решила сменить тему беседы.

– Как они оказались в Америке?

– После войны Соня ненадолго вышла замуж за немца и перебралась в Германию. Ты ведь знаешь, на какие радикальные решения способен человек в такие моменты...

Услышав это, Шура мгновенно вспомнила собственную любовь – такую же безумную и всепоглощающую. Если бы Сеит не пошел на фронт, были бы они хоть наполовину поглощены своей страстью? Отдалась бы она ему так быстро? Испугавшись, что Люсия заметит, как она вновь предалась воспоминаниям, Шура обратила все свое внимание к подруге. Однако Люсия тоже молчала – вероятно, думала о своем, – но вскоре заговорила вновь:

– Да, ее любовь была всепоглощающей, но быстро закончилась. На следующий год она перебралась в Нью-Йорк.

– И как, она довольна жизнью?

– Очень. Она купила пять акров земли на Лонг-Айленде, в Ойстер-Бэй, и строит там шикарную дачу. Все ее архитекторы и строители из белогвардейцев. Все ее обожают. Соня хочет, чтобы ее дача стала Меккой для русских эмигрантов. К тому же она планирует собрать коллекцию картин русских художников.

– Не слишком ли это амбициозно?

– Нет, дорогая. У нее столько денег, что она вполне может делать все, что хочет. Восемнадцатого марта в Большом Центральном дворце в Нью-Йорке открылась великолепная выставка. Россия... прости, Советский Союз прислал потрясающую коллекцию.

– Ты ее видела?

– Ах, разумеется! Вся диаспора была там. На выставке были представлены как классические картины, так и картины новых советских художников.

– Как американцы относятся к нам?

– К «нам», белогвардейцам, они относятся с большим сочувствием. Они принимают нас и уважают как представителей огромной империи. У американцев особые чувства к аристократии. Кроме того, история Романовых для них – это трагедия, и они считают белогвардейцев частью этой трагедии. А вот на Советскую Россию взгляд у них другой... К ней они относятся отстраненно и настороженно. Поэтому эта выставка немного смутила их – в конце концов, после революции прошло всего семь лет, и еще свежи воспоминания обо всех ее ужасах.

– Возможно, большевики думали, что искусство немного сгладит эти воспоминания.

– Может быть, и так. Так вот, Соня приобрела там потрясающие работы! Теперь у нее есть картины Сергея Виноградова, Михаила Нестерова, Александра Моравова и Бориса Кустодиева...

– Но они все творили в наше время...

– Ну да, я это и имела в виду.

– Как тогда новая власть допустила их работы к выставке?

– Шуручка, как я понимаю, все были вынуждены подчиниться указаниям большевиков. То есть они теперь тоже советские люди, советские художники. Конечно, новая власть будет пытаться перетянуть на свою сторону таких вот творцов. Это же искусство. Разве есть более верный способ понравиться миру?

– То, что Соня и ее семья смогли сохранить свои средства, безусловно, похвально. Но еще более похвально то, как она ими распоряжается. Это очень мило с ее стороны, ведь она могла потратить деньги иначе.

– Согласна. Вообще я не совсем понимаю, как им это удалось.

– То есть?

– Судя по рассказам Сони, она уехала из России в школьной униформе и с книгами в руках.

– Возможно, она просто описывала свой внешний вид? Когда она уезжала в Германию, были же у нее на это средства? Уверена, состояние ее отца хранилось где-то за границей.

– Я не знаю. В любом случае, когда мы приедем в Нью-Йорк, нас ждет теплый прием на Лонг-Айленде.

– Ты бы хотела осесть где-нибудь навсегда? – спросила Шура, вновь наполняя бокалы шампанским.

– Думаю, что в Нью-Йорке, Палм-Бич или Лос-Анджелесе... Конечно, дома могут быть в разных местах – в зависимости от сезона.

– Люсия! – рассмеялась Шура. – Давай хоть чуточку поскромничаем!

– Зачем? – ответила Люсия, уверенная в том, что она вполне заслуживает своих желаний. – Ты увидишь квартиру Алисы в Нью-Йорке. Это целый особняк! Я уж молчу о ее доме в Палм-Бич, это просто дворец на берегу океана! Когда умер ее отец, он оставил Алисе десять

миллионов долларов. Алиса с Соней, кстати, скоро будут в Париже. Нам обязательно нужно с ними встретиться.

Шура понимала, что Люсия хотела не столько обсудить общих знакомых, сколько с удовольствием поговорить о роскоши. Она понимала, насколько жизнь подружки изменилась после замужества, но, несмотря на все эти перемены, та все так же обожала кичиться материальными благами – как своими, так и своих друзей. Шура знала, что Люсия с гордостью причисляет себя к белогвардейцам. И хотя все за глаза называли это издевательством над вчерашними аристократами, лишенными титулов и достатка и вынужденными трудиться на черной работе, Шура с детства с любовью относилась к подружке. В то же время крепкая связь Люсии с такими видными эмигрантами, как Каппа Давидов, Джордж Баланчин, Тамара Жева, Владимир Набоков и Игорь Стравинский, позволяла ей оставаться в первых рядах белогвардейской диаспоры.

Слушая рассказы Люсии, Шура поймала себя на мысли о том, что ничуть не завидует подобной роскоши. Ей, по сравнению с другими детьми, очень повезло. У матери и отца были связи, взять хотя бы их дядю, атамана Богаевского, и ее вырастили в шикарной усадьбе, в окружении няnek и частных учителей. Только Тина и Шура были собственными детьми Юлиана Верженского, но он заботился обо всех детях своей супруги, как о своих родных. Он настолько любил и баловал их, что Шура никогда не считала Паню, Колю, Нину и Вову чужими. Лишь когда она узнала, что их фамилии – Лысенко, а не Верженские, она спросила обо всем у матери, и та рассказала ей, что однажды уже была замужем.

Люсия тем временем продолжала рассказывать об Алисе ДеЛамар. Шура, мило улыбаясь, делала вид, что слушает ее, но на самом деле думала о своем детстве. Она всегда чувствовала, как сильно ее, младшую из детей, любили родители, но больше всего ее сейчас заботила судьба Нины. Она, милая и нежная, как шелк, словно принадлежала другому миру. Нина была на девять лет старше Шуры и на десять лет старше Тины, но Шура помнила, как близкие всю жизнь окружали Нину невидимым щитом заботы и сострадания, ведь она навсегда сохранила детскую наивность. Екатерина Николаевна ни на минуту не могла оставить дочь. В те трудные дни в Кисловодске все члены семьи будто заключили между собой негласный пакт и старались при Нине обсуждать происходящие события более сдержанно и мягко. Несмотря на то что Тине и Шуре ничего не рассказывали об особенностях Нины, сестры чувствовали, что от хаоса, в который погрузилась страна, Нина пострадает сильнее всех и замкнется в себе еще более, чем прежде. Когда Шуре было пять или шесть лет, она спросила у матери, почему Нина с трудом разговаривает, и навсегда запомнила ответ:

– Потому что так захотел Бог.

– А если я тоже захочу так говорить? – спросила Шурочка.

– Ни в коем случае, Шурочка, – ответила мать. – Нина подумает, что ты ее передразниваешь, и обидится.

– Но почему? Она очень красиво разговаривает. Не торопится. Почему мне так нельзя?

– Моя милая, – сказала Екатерина Николаевна, заботливо обхватив ее лицо ладонями, – Бог каждого из нас награждает особенным телом, навыками и талантами. Например, вы с Тиночкой хорошо играете на пианино...

– Но Тиночка играет лучше меня!

– Может быть, – улыбнулась мать. – Потому что Тина, играя, старается чуть больше. Но это не делает тебя менее умелой. А когда ты подрастешь, то откроешь свой собственный талант, он и будет твоей особенностью. Тем не менее каждая из вас очень особенная. Я ведь всегда это говорю, не так ли?

Шура кивнула. Действительно, их родители помогали своим детям чувствовать себя особенными вне зависимости от возраста и пола и в равной мере любили каждого из них.

– Вот так, милая, – продолжила мать, как бы закрывая тему. – Нина просто живет чуть медленнее, чем вы, потому что так хочет Бог. Она ни в чем не виновата, вам просто нужно

быть к ней внимательными. Заботьтесь о ней и будьте рядом. В будущем, когда вы вырастаете, не забывайте об этом, как не забываем мы.

Пока Шура мысленно находилась в Кисловодске своего детства, Люсия продолжала вываливать на нее новости из другого мира. Внезапно Шура открыла рот и сказала то, чего никак от себя не ожидала:

– Я ухожу от Алена.

Люсия, пылко вещавшая о ночной жизни Нью-Йорка, произнесла еще пару слов, прежде чем услышала Шуру. Она с удивлением распахнула глаза.

– О чем ты говоришь, Шура?

– Я ухожу от Алена, – повторила она.

– Когда ты это решила? Что случилось?

– Ничего не случилось. Или случилось слишком многое. Не знаю. Но я все решила.

– Почему ты не сказала мне раньше? Я могу что-нибудь сделать?

Казалось, Люсия забыла о Нью-Йорке. Очевидно, ее очень интересовала личная драма подруги. Она встала, подошла к Шуру и устроилась на подлокотнике ее кресла.

– Я могу что-нибудь сделать? – повторила она.

– Нет, дорогая Люсия, – ответила Шура. – Никто ничего не может сделать. Это мое решение.

– Аллен знает?

– Пока нет.

– Когда ты решила?

– Незадолго до твоего прихода.

– Не могу поверить. Ты принимаешь такое важное решение и совсем ничего не рассказываешь.

Шура с улыбкой подумала, что, для того чтобы сообщить подруге об Аллене, ей пришлось прервать ее разглагольствования.

– Не смешно, – обиженно прибавила Люсия.

– Нет, конечно, не смешно, дорогая. Просто я не хотела портить тебе настроение – ты вернулась из Нью-Йорка такой счастливой.

– Шурочка, твое счастье превыше всего. Душа моя, кто знает, как тяжело тебе далось это решение. Но почему ты приняла его? Разве Аллен не делает тебя счастливой?

– Дело не в моем счастье, – ответила Шура, взяв подругу за руку. – Я знаю, что он очень меня любит. Вижу это в его глазах.

– Тогда что тебе еще нужно?

– Дело не в моем счастье, – повторила она.

– Нет?

– Нет...

– Значит, я ошибалась. Ты выглядела очень счастливой рядом с ним.

– Я не была счастлива, Люсия. Просто мое желание быть счастливой настолько сильно, что, когда счастье приходит, я полностью отдаюсь ему, боясь упустить.

Должно быть, Люсия сочла сказанное ей слишком сложным – она ничего не ответила, а только поморгала.

– В любом случае, – продолжила Шура, – я хотела поделиться с тобой.

– Ты правильно поступила, дорогая. Конечно, ты бы все мне рассказала. Но, к сожалению, я действительно ничего не могу сделать.

Шура поднялась с места, подошла к балконной двери и, продолжая ходить туда-сюда, заговорила:

– Люсия, я уже давно готовлю себя к этому решению, просто не знала об этом. – Внезапно она остановилась и повернулась к подруге. – Решение, которое я приняла незадолго до твоего прихода, на самом деле было лишь осознанием этого решения.

– Шура, дорогая, я плохо тебя понимаю.

– В моей голове бродит столько мыслей! Проблемы, которые я не могу решить, варианты, из которых не могу выбрать... Я живу в постоянных сомнениях. После всего, что мне довелось пережить, я знаю одно – если я постоянно сомневаюсь и задаю себе разные вопросы, значит, я что-то делаю не так и иду не той дорогой.

– Мы с тобой в этом плане совершенно разные, – отозвалась Люсия.

Пока Шура ждала продолжения монолога, она вновь заподозрила, что личная жизнь подруги не настолько совершенна, как та рассказывала.

– Например, – продолжила Люсия, – мы с Капшой... У меня в голове столько вопросов о нашем с ним браке, но я оставляю их нетронутыми, не вмешиваюсь.

– Да, ты права, – улыбнулась Шура. – Мы разные. Я так не могу.

– Возможно, ты поступаешь лучше меня... Намного. Когда ты ему скажешь?

– Сегодня... когда он вернется.

– Прямо перед Новым годом? Какая ты нечуткая.

– Я так не думаю, Люсия. Чем раньше, тем лучше. Каждый совместный праздник только отягощает происходящее и затрудняет этот разрыв.

Люсия явно не разделяла ее взгляды, но она промолчала, поджав губы и покачав головой.

– Тебе виднее.

Затем, словно желая ободрить подругу, она прибавила:

– Тогда у тебя наверняка есть другие планы на Новый год и Рождество.

– Почему? – посмеялась Шура. – Зачем мне другие планы?

– Ты хочешь расстаться с возлюбленным в канун одного из лучших праздников, и у тебя нет планов, чтобы отвлечься? Это странно.

– Что же в этом странного? За последнее время мы все пережили немало неприятных моментов в самые прекрасные, самые особые для нас дни. Мы не выбирали себе горе, оно выбрало нас само. Конечно, это расставание тоже будет нелегким, но я уверена, что оно будет гораздо менее болезненным, чем прочие события, Люсия.

– Думаю, Аллен переживет огромное потрясение.

– Я ведь уже сказала, что много об этом думала. Я думала об этом с тех пор, как приехала из Стамбула, и теперь уверена в одном – если эти отношения продолжатся, то разочарований будет еще больше. Я больше не хочу жить в чьей-то тени, не хочу делить с кем-то человека, которого люблю. Я хочу чувствовать себя хозяйкой своей собственной жизни. Мне это очень нужно.

– Понимаю, дорогая. Если тебе понадобится финансовая поддержка...

– Спасибо, милая Люсия, думаю, я справлюсь. Я уже сказала Ирине Романовой, что возьму дополнительную работу. Полагаю, если я всерьез займусь модельным делом, оно прокормит меня здесь, в Париже.

– Тебе будет сложно жить в такой же роскоши на доход от показов.

– Я знаю, и мне все равно. Я живу здесь только потому, что это квартира Алена. Если бы он жил в темном переулке, я бы все равно поделила с ним кров.

Люсия с завистью посмотрела на подругу.

– Ты совсем не боишься, да? Жить чуть беднее, чуть стесненнее?

– Разве я могу не бояться, Люсия? Поэтому я хочу как можно скорее взять свою жизнь в собственные руки и жить своими решениями. Разумеется, меня это беспокоит, но гораздо больше меня беспокоит перспектива жить, завися от другого человека и его любви.

Шура внезапно умолкла, осознав, что, возможно, задела чувства подруги.

– Забудь об этом, – махнула рукой Люсия, заметив ее виноватый вид. – Ты удивишься, но я тоже подумывала о переменах. Как только все решится окончательно, я сообщу тебе.

– Ты ведь знаешь, что я радуюсь каждой хорошей новости от тебя, – облегченно улыбнулась Шура.

– Да, дорогая. Ты очень удивишься, когда все узнаешь. Но я хочу, чтобы ты знала: я с тобой согласна. Независимо от того, насколько богаты наши мужчины, мы должны сами крепко стоять на ногах.

– Я рада, что ты со мной согласна.

– Да, но вот в одном мы не сходимся.

– В чем? – спросила Шура.

– Я никогда не упускаю из виду свои возможности, пока не уверена в том, что у меня есть запасной план. Здесь ты и храбрее, и беззащитнее.

– Думаю, прошлое преподало мне этот урок.

Люсия чувствовала, что подруга многое не рассказала ей. Шура почти не делилась с ней тем, что произошло после того, как она покинула Кисловодск и уехала к своему дяде. Все ее рассказы были поверхностными, в них отсутствовали детали. Люсия была уверена в том, что переживания Шуры были гораздо глубже, а история – гораздо горше.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.